

Страсти в Гареме

Георг

Борн

Ночь в Гареме

или Тайна

Золотых масок

Страсти в гареме

Георг Борн

**Ночь в гареме, или
Тайна Золотых масок**

«Алгоритм»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84

Борн Г. Ф.

Ночь в гареме, или Тайна Золотых масок / Г. Ф. Борн —
«Алгоритм», 2013 — (Страсти в гареме)

ISBN 978-5-4438-0455-2

Предлагаем вам продолжение захватывающего романа «Новая царица гарема» знаменитого немецкого писателя Георга Борна. Действие романа происходит в Турции XIX века, когда шла ожесточенная борьба за власть между султаном и исламскими шейхами. В ход шли самые изощренные способы устранения любых помех: яд и кинжал, внезапное исчезновение и насильственная смерть... Всё как на загадочном, «диком» Востоке! На этом фоне продолжают разворачиваться удивительные события, происходящие при дворе турецкого султана, где судьбы государств вершатся не только дипломатами, но и под влиянием прекрасных одалисок, «царствующих» в гареме. Перипетии судьбы красавицы-турчанки Реции и ее возлюбленного, мужественного воина Сади разрешатся самым необычным образом в этом повествовании.

УДК 821.161.1

ББК 84

ISBN 978-5-4438-0455-2

© Борн Г. Ф., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Книга III	5
I	5
II	11
III	15
IV	21
V	29
VI	35
VII	39
VIII	47
IX	49
X	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Георг Борн

Ночь в гареме, или Тайна Золотых масок

Книга III

I

Новые сановники

За последние месяцы в Турции произошло много различных перемен. Сменились сановники, их место заняли другие, а народ по-прежнему стонал под тяжестью невероятных налогов. Христианские страны, находившиеся под владычеством турецкого государства, испытывали горькую участь. Не будучи в состоянии переносить всех тяжестей поборов турецких чиновников, они восстали. Из всех племен, томившихся и теперь еще томящихся под игом турок, боснийцы и болгары первыми взялись за оружие, чтобы стряхнуть нестерпимое иго и положить конец невероятным требованиям и несправедливостям турецких наместников и чиновников.

Повсюду стали появляться люди, которые готовили восстание и подстрекали недовольных к открытым враждебным действиям. Эти клеветы Мансура-эфенди и его сообщника делали свое дело так ловко и с таким успехом, что действительно случилось то, чего желали эти ревнители магометанства: восстание действительно вспыхнуло и дало туркам повод дать волю своей ненависти к христианам во славу пророка. Все их преступные идеи были приведены в исполнение.

Их мечтой было восстановление павшего могущества и величия Оттоманской империи. Они хотели заставить еще раз засверкать угасающее светило ислама и придать ему новый блеск и славу. Хитрые подстрекатели отлично понимали, что могущество и величие Востока переживает свои последние дни, если такие султаны, как Абдул-Азис, будут стоять во главе государства.

При жизни султана Абдул-Меджида многие возлагали большие надежды на Абдул-Азиса. Последние дни жизни Абдул-Меджида были только тенью прежнего султанского величия.

Бледный, изможденный деспот ужасающим образом предавался пьянству. Это он приказал воздвигнуть мраморный дворец Долма-бахче, стоивший восемьдесят миллионов франков; служившие в его свите офицеры в рваных мундирах сопровождали его величество, а по молочно-белым мраморным плитам больших лестниц дворца слонялась нерадивая прислуга.

Но вот наступила роковая ночь Рамазана, в которую Абдул-Меджид расстался с жизнью и таинственной кончиной завершил свое жалкое существование.

Абдул-Азис в последнее время более чем когда-либо предчувствовал, что он вместе со своей империей приближается к пропасти. В дружбу Запада он не верил, он знал, как дорого обходится эта дружба, и потому решил, чтобы утвердить свое величие и могущество, еще раз попытаться обратиться к князьям Востока, которые еще видели в султанине преемника Магомета и Аллаха. Со всеми почестями встретил он у Золотого Рога посла кашгарского эмира Якуббея, осыпал любезностями генералиссимуса афганской армии Магомета Саддык-хана и даже принял одного подвластного ему шейха Гассира-пашу как своего гостя в Долма-бахче. Все эти дружественные отношения, как кажется нам, вытекали из необходимости искать себе опоры в среде своих соплеменников и единомышленников. Насколько Абдул-Азис действовал с успехом, стараясь воспрепятствовать разрушению Калифата, мы увидим впоследствии.

Султан проводил довольно скучные и однообразные дни в своем дворце, в кругу своих жен, а в дворцовой мечети наслаждался зрелищем петушиного боя. Абдул-Азис очень любил петухов. Его любимец носил орден Османии. Замечательно еще то обстоятельство, что этим орденом владели многие сановники Османской империи и их нисколько не оскорбляло то чувство, что и петух султана гордился тем же орденом.

Двадцать первого числа месяца джемади-эль-аваль¹ ежегодно совершалось в Константинополе празднество в честь восшествия на престол султана Абдул-Азис-хана. Если случайно какой-либо путешественник попадал на этот праздник, то его сердцем овладевали тоска и уныние. Он замечал напускную веселость и видел упадок могущества когда-то столь богатой и пышной империи Солимана. Все пропало. Турция доживает свои последние дни, и если еще держится, то только благодаря политическому равновесию, иначе соседние большие государства не замедлили бы присоединить ее к своим владениям.

Иностранец, посетивший город калифов, чтобы еще раз взглянуть на угасающий блеск бывшей мировой державы, оказывался среди торжественной вакханалии, по-видимому, назначенной для того, чтобы заглушить вопли бедствующего народа, и задумчивость охватывала его душу.

С наступлением знойного летнего вечера, за которым внезапно следует ночь, восточный семихолмный город (как называют Константинополь в противоположность Риму), заливадается морем света, волны которого отливают пурпуром. Необозримые потоки пламени бледными светлыми полосами обрисовывают на темном небесном своде городские кварталы, мечети, дворцы и даже безмолвные кладбища. Словно огненные волшебные корабли, скользят суда по спокойному морю, похожему на расплавленную бронзу... вот прекрасный сон, на несколько часов заменяющий ужасную действительность.

Местами расставлены по улицам отряды пехоты и кавалерии, последние, однако, отдыхают от продолжительной праздничной службы, слезают со своих роскошных коней и не спеша прогуливаются по улицам. Наряды эти занимают постоянно только одну сторону дороги, другая же предоставляется публике.

Какая пестрая картина открывается здесь взору! Европейцы по большей части избирают для своих прогулок главную улицу Галаты, большой мост и площадь перед Ислам-Джами в Стамбуле. У стен сераля теснятся типичные фигуры магометан: модничают разодетые турки в чалмах, персы в высоких конических шапках, курды, те же хивинцы, и татары в своих исполинских, закрывающих все лицо головных уборах. У ворот сераля, на насыпях из песка и камней развалившихся зданий, сидит толпа мусульманских женщин, с часу на час ожидающих появления «земного светила», широколицего турецкого повелителя, лицо которого освещено хоть и усталой, но исполненной сознания собственного достоинства улыбкой. Конечно, его величие лучезарно, но блеск алмазов и других драгоценностей, ослепляя сиянием обыкновенных смертных, не дает теплоты. Этот праздник султана служит для напоминания роду Оттоманской империи о древнем блеске и величии их государей и в то же время разжигает ненависть к гяурам.

Но прежнее величие давно уже кануло в вечность, могущество Турции, перед которым некогда трепетала почти вся Европа, потеряло свою силу. Двести лет тому назад тогдашний султан сделал следующее объявление войны немецкому императору:

«Мы, Волки-ханы, милостью Великого Аллаха на небе, и я, бог на земле и величайший державный император, отрада и спасение турок и язычников и губитель христианства», – это было вступлением, затем следовало само объявление войны и в заключение говорилось: «А потому ты должен вполне ожидать, что мы в скором времени осадим и займем своими силами всю вообще Германию, нашу империю, не желая держать у себя тебя и твоего брата Карла».

---

¹ Джемади-эль-аваль – пятый месяцу магометан.

Теперь времена переменились. Звезда счастья Оттоманской империи закатилась. Могущество исчезло, блеск и слава потускнели – и потускнели навеки. Положим, что великий визирь и мог бы сделать объявление войны цветистым слогом, но ему не доставало одного – могущества. Европа с презрением отнеслась бы к его словам.

При дворе в продолжение последних месяцев после описанного нами в прошлой главе падения шейх-уль-ислама произошли многочисленные перемены. Мансур-эфенди хотя и пал, но только его личность, а не идеи. Мансур был низвержен, но дух его еще жил и царствовал. Новым шейх-уль-исламом назначен был Феми-эфенди, во всем следовавший советам Мансура, который умел распространять вокруг себя сияние тайного могущества. Важным шагом в пользу Мансура было назначение Рашида-паши министром. Рашид был слепым орудием Мансура, и назначение его визирем давало низверженному Мансуру в руки новые средства и впредь утверждать всюду свое могущество. Одного визиря он имел вблизи султана и именно такого, который во всем беспрекословно исполнял его волю. Теперь задачей его было приобрести второго.

В вечер султанского праздника, полгода спустя после своего низвержения, Мансур-эфенди бежал от торжественных огней, заливавших морем света все дома и площади города. Он отправился в развалины Кадри. Здесь все еще была его власть. Здесь был невидимый трон, откуда направлялись нити, более могущественные, чем кормило правления в руках министров. Когда Мансур вошел в галерею башни Мудрецов, то встретил там Лаццаро, который, озираясь, подходил к нему. Теперь хитрый грек находился на службе у Мансура, так как разгневанная принцесса Рошана прогнала его от себя. Сегодня Лаццаро нес важное известие Мансуру, которое добыл по поручению последнего.

Мансур дал знак следовать за ним, и оба вошли в зал Совета.

– Ну что, был ты в доме Гуссейна-Авни-паши? – спросил Мансур своего слугу.

– Дом военного министра могущественного Гуссейна-Авни-паши охраняется часовыми и слугами, – отвечал Лаццаро. – Мне удалось познакомиться с Ибрагимом, доверенным слугой паши, и я отправился к нему. Произошло нечто очень важное и благоприятное для тебя, мудрый баба-Мансур, – продолжал грек, лукаво прищутив глаза, – нечто такое, что совершенно отдает в твои руки благородного пашу.

– Я поручил тебе узнать, желает ли Гуссейн-Авни-паша иметь свидание со мной.

– И я принес тебе, мудрый баба-Мансур, ответ, что благородный паша считает за честь сегодня же вечером посетить тебя здесь.

Сам Мансур был, по-видимому, поражен таким успехом.

– Как же это случилось? – спросил он.

– Твой раб Лаццаро донесет тебе сейчас обо всем, мудрый повелитель, и посвятит тебя во все подробности. Гуссейн-Авни-паша, военный министр, теперь твой. Он безусловно прижмет к тебе и вполне подчинится твоим советам, так как ему нанесено оскорбление, изгоняющее его из внутренних покоев императорского дворца Беглербега.

– Ему нанесено оскорбление? Кем же? – спросил Мансур-эфенди.

– Тем, кому благородный паша был до сих пор самым ревностным слугой, принцем Юсуфом-Изеддином.

– Что ты сказал? Принцем?

– Ты знаешь, повелитель, что у Гуссейна-Авни-паши есть молодая прекрасная дочь, которую зовут Лейла. Благородный паша, желая обеспечить себе благосклонность султана и еще более расположение принца и приобрести на него влияние, отдал свою дочь Лейлу принцу Юсуфу в супруги. Принц, казалось, был тоже влюблен в дочь паши, но это было лишь мимолетное увлечение; сердце принца все еще пылает любовью к пропавшей без вести дочери Альманзора. Довольно того, что Юсуф приказал вчера одному из своих адъютантов отвезти прекрасную Лейлу обратно в дом ее отца.

– Да, это действительно ужасное оскорбление, – проговорил Мансур, злорадно усмехаясь. Его радовало это обстоятельство, так как его враги все больше и больше попадали в расставленные бывшим шейхом сети.

– По прибытии в гарем отца прекрасная Лейла упала на колени, рвала на себе волосы, так как не могла перенести позора. Может быть, это горе было бы перенесено ею легче, если бы она не любила так безумно принца. Кажется, вся жизнь ее принадлежит этому злодею, – докладывал хитрому Мансуру Лаццаро.

– Трагическая судьба, клянусь бородой пророка!

– Когда донесли об этом благородному паше, он поспешил к своей дочери. Постигший ее позор, отчаяние, свидетелем которого был он сам, все подошло одно к одному, чтобы возбудить в могущественном визире страшную злобу, однако как военный министр, член тайного совета сераля и один из высших сановников он преодолел свой гнев. Он заперся с дочерью и дал ей клятву мести. Это успокоило Лейлу. Сегодня ее видели в экипаже на главной улице Перы.

– А паша?

В эту минуту в зал Совета вошел молодой дервиш и с низким поклоном остановился перед Мансуром.

– Прости, мудрый баба-Мансур, что я должен тебя побеспокоить, – тихо сказал он. – Прибыл благородный Гуссейн-Авни-паша и спрашивает тебя.

– События опережают мой доклад! – с поклоном сказал Лаццаро.

– Проводи сюда господина военного министра, – приказал Мансур молодому дервишу и встал, чтобы принять высокого сановника, появление которого заставило его торжествовать в душе. В его руках были теперь все новые опоры трона, все могущественные визири, кроме Махмуда-паши, великого визиря. Феми-эфенди, Рашид-паша и теперь даже и Гуссейн-Авни-паша, самый влиятельный из всех, так как в его распоряжении было войско, кумиром которого он был.

Мансур сделал своему доверенному слуге знак удалиться, а сам пошел навстречу военному министру.

Тот только что вошел в галерею башни. Он был в европейском костюме и в красной чалме. На бородастом лице его лежала печать сильной энергии, но вместе с ней виднелась и мрачная суровость.

Гуссейн-Авни-паша поздоровался с Мансуром-эфенди и быстро вошел с ним в зал Совета.

– Приветствую тебя, мой благородный паша, – сказал Мансур вкрадчивым тоном и с видом преданности. – Я не смел надеяться приветствовать тебя здесь. Тем более благословляю тот час, который привел тебя сюда.

Гуссейн-Авни-паша принял приглашение Мансура и сел рядом с ним.

– Благородный Рашид-паша сообщил мне, что ты приглашаешь меня на встречу, – отвечал он. – Настал для меня час последовать твоему приглашению.

– И это случилось в день султанского праздника? – пытливо спросил Мансур-эфенди.

– Объясняй себе это как угодно, Мансур-эфенди.

– В таком случае я объясню это в свою пользу или, лучше сказать, в пользу дела, которому я служу, – сказал Мансур. – Ты самый могущественный и усердный поборник желания султана изменить порядок престолонаследия и оставить престол принцу Юсуфу. Я желал бы обменяться с тобой взглядами по этому делу, и твое посещение доказывает мне, что ты желаешь удостоить меня этой чести, в то время как султан из окон сераля любитесь ликующей толпой.

– Одни ли мы и не подслушивает ли нас кто-нибудь? – спросил Гуссейн-Авни-паша.

– Никто нас не видит и не слышит.

– Так знай же: я был сторонником желания султана, о котором ты сейчас говорил, мудрый Мансур-эфенди.

– Так ты уже более не поборник этого нововведения? – спросил Мансур, по-видимому, крайне удивленный. – Должен ли я верить своим ушам? Давно ли благородный паша, военный министр, надежда армии, так счастливо изменил свое мнение? Давно ли желания султана потеряли свою самую могущественную опору? Ты видишь меня радостно удивленным. Никакая другая весть не могла бы меня так осчастливить: ты должен знать, что желание это было оставлено всеми остальными вельможами империи. Один ты защищал его, и я боялся тебя, нет, позволь мне говорить с тобой откровенно: я боялся за тебя, ибо при падении султана это желание увлекло бы за собой всех своих приверженцев. Теперь я вдвое радостней приветствую тебя, благородный паша! Одно твоё содействие, одна твоя помощь нужна нам для поддержания старых традиций нашего могущественного государства, находящихся в тесной связи с религией.

– Я пришел предложить тебе руку помощи, мудрый Мансур-эфенди, я стал другим. Я вижу теперь, что изменение закона о престолонаследии может привести к гибели. С этого дня я непримиримый враг этой перемены и мое единственное желание – употребить все средства для того, чтобы помешать исполнению этого.

– Позволь мне обратить твое внимание на то обстоятельство, что люди сживаются со своими желаниями, – отвечал Мансур. – Султан и принц Юсуф всей душой преданы своему желанию, и они употребят все для того, чтобы привести его в исполнение.

– Тогда они погибнут вместе со своим желанием, – мрачно сказал Гуссейн-Авни-паша.

Глаза Мансура сверкнули при этих словах. Он дружески обратился к военному министру.

– Намерен ли ты сдержать это свое слово, желаешь ли ты способствовать нашему делу? – спросил он.

– Я уже сказал тебе это.

– В твоей власти погубить султана и принца Юсуфа. В твоей власти низвергнуть их обоих. Гуссейн-Авни-паша, казалось, ужаснулся чудовищности этого плана.

– Государственная измена... – прошептал он. Мансур дьявольски улыбнулся.

– Это пустой звук, подобные слова часто пугают нас, – сказал он, – тогда как мы не отступаем перед самым делом, если оно подвернется нам. Пойми меня как следует, благородный паша: не ты, не я, не мы все низвергнем султана и принца – они сами погубят себя. Желание отмены древних законов приведет их к падению. Твое дело будет только подстрекнуть и поощрить их к этому государственному перевороту. Партия наша велика, она охватила весь Стамбул и все государство – это партия принца Мурада, законного наследника престола. Спрашивается только, желаешь ли ты тайно примкнуть к этой партии. Если да, то в таком случае ты должен пытаться поддержать и укрепить в султани его желание и привести к нужному результату.

– Я готов на это.

– Ты важен для султана, так как в твоём распоряжении войско, – продолжал Мансур. – Дай понять ему, что, действуя силой, он и принц скорее всего достигнут своей цели.

– Да, да! Твоя правда! – воскликнул Гуссейн-Авни-паша.

– Уверь султана, что войско безгранично преданно ему и готово содействовать в перевороте, который должен оставить престол принцу Юсуфу. Это ободрит его и побудит к решительным действиям...

– Это будет предательством, – пробормотал паша.

– В твоей власти возвести на престол принца Юсуфа или...

– Ни за что! Никогда не бывать этому! – поспешил воскликнуть Гуссейн.

– Тогда прими во внимание мой совет: заставь султана поверить в успех насильственной меры, и он ухватится за нее, если ты только обнадежишь его в содействии войска. Больше тебе ничего не надо делать, благородный паша: султан и принц Юсуф сами бросятся в пропасть, дело обойдется без нашей помощи.

– Пусть будет так. Я ваш, – отвечал военный министр, и этим словом была решена участь султана и Юсуфа.

– Они падут, чего они вполне заслуживают, благородный паша.

– В добрый час, – заключил Мансур этот тайный и столь обильный последствиями разговор.

Затем он вместе с военным министром вышел из зала Совета и провел его через всю галерею до самого выхода. Там они расстались.

Мансур-эфенди, торжествуя, вернулся в башню Мудрецов, а Гуссейн-Авни-паша в своем экипаже поехал в город, который все еще утопал в море света – уныние и неудовольствие толпы заглушались блеском праздника.

II Предатель

Между тем Сади так сильно возвысился в милости не только у великого визиря, но и у султана, что уже причислялся к визирям, не нося еще в действительности этого титула. Сильное, непреодолимое желание подниматься все выше и выше на пути к славе наполняло его душу, и в сердце его не было другой мысли, как только сделаться необходимым султану. Но великодушие Сади побуждало его сверх того преследовать еще и другую цель – облегчить нищету и бедствия народа. Махмуд-паша, великий визирь, нисколько не заботился о том, что положение низших классов в целом государстве с каждым днем становилось все ужасней, он преследовал только свои дипломатические планы, о внутренних же делах государства он очень мало беспокоился и менее всего думал о судьбе несчастного народа. Сади считал задачей своей жизни внять этим мукам, он хотел воспользоваться своим высоким положением не для своего личного обогащения, как это делало большинство других сановников, но для облегчения нужд и бедствий народа.

Эти стремления возбуждали в высших кругах только затаенный смех, а муширы и советники шептались друг другу, что эти человеколюбивые стремления молодого паши еще улягутся. Другие же полагали, что он должен питать слишком смелые замыслы на будущее, стремясь сделаться любимцем народа, и что это легко может ему удастся, так как вместе с рукой принцессы ему достанутся несметные богатства. Новый визирь Рашид-паша, а также и Гуссейн-Авни-паша выказывали ему большое расположение, а Сади был слишком доверчив, чтобы видеть за этим что-нибудь другое, кроме желания подружиться с ним. Сади сам был чужд всякого лукавства. Его исполненная благородных планов и стремлений душа, его жаждущий великих подвигов ум и в других не подозревал ничего дурного, а потому он чистосердечно и с радостью примкнул к новым друзьям.

Что он в этом бурном порывистом стремлении к славе и почестям забыл Рецию, что бледный образ ее только по ночам еще являлся ему во сне, виной тому было проснувшееся в нем честолюбие, которое заглушало все остальные чувства, но все-таки не могло уничтожить его благородства и великодушия. Первое время часто по ночам, когда он покоился на своих мягких подушках, когда блеск и свет угасали, и безмолвие ночи окружало его, в воображении его рисовался прекрасный образ Реции, слышался ее нежный голос, называвший его по имени. Он вскакивал с постели, и имя Реции замирало у него на устах. Утром же образ ее бледнел перед хлопотами во дворцах, перед просьбами бедных просителей, которым Сади покровительствовал, перед беседами с визирями и министрами, перед блеском трона, к ступеням которого он мог приблизиться. Потом образ исчезал, воспоминание терялось, внутренний голос, напомнивший ему о Реции, был заглушен суетой мира, жаждой подвигов. Упоенным взорам молодого паши представлялись ослепляющее сияние трона, заманчивая высота, и он чувствовал, что здесь найдется для него столько дела, сколько едва могли перенести его силы. Он чувствовал, что здесь на высоте необходимо честное сердце, бьющееся для блага народа и султана. И на нем, вышедшем из народа, прежде других лежала обязанность занять это место, которого не доставало при дворе, и выполнить все связанные с ним обязанности.

Через несколько дней после султанского праздника Гассан и Сади сошлись в Беглербеге.

– Очень рад, что встретил тебя, – сказал Гассан, входя вместе с Сади в пустую комнату по соседству с кабинетом султана.

– Ты хочешь что-нибудь передать мне?

– Предостеречь тебя, – отвечал Гассан.

– Предостеречь? И какой у тебя торжественный вид!

– Это потому, что мое предостережение очень важно.

- Относительно кого же намерен ты предостеречь меня, Гассан?
- Относительно новых друзей.

Сади с удивлением вопросительно поглядел на своего товарища.

- Я все еще не понимаю тебя, – сказал он.
- Ты собираешься примкнуть к Рашиду и Гуссейну.
- Они весьма предупредительны по отношению ко мне.
- И притом фальшивы.
- Ты меня удивляешь.

– Тем не менее, это правда, Сади, я не доверяю этим обоим визирям, они преследуют свои планы и замыслы. Рашид давным-давно является орудием Мансура.

- Мансур перестал иметь орудия, друг мой. Мансур не имеет уже более власти.

– Открыто – нет, это правда, но втихомолку он все еще раскидывает свои сети. Ты знаешь, что Рашид-паша ему одному обязан своим теперешним положением и всем, что имеет? Рашид и теперь еще орудие Мансура.

- Ты, Гассан, глядишь на все слишком уж мрачным взглядом.

– Не отвергай моего предостережения. И Гуссейн-Авни-паша с некоторых пор изменился. Причина понятна: ты знаешь, принц был настолько неосторожен, что отослал дочь его Лейлу в дом отца. Гуссейн никогда не забудет этого оскорбления, но он слишком умен и осторожен, чтобы хоть чем-нибудь обнаружить происшедшую с ним перемену.

– Мне кажется, Гассан, ты слишком далеко заходишь в своих подозрениях, тем не менее благодарю за предостережение. Рашид никогда не будет моим другом, я отвечаю только на его любезность, как того требует долг вежливости, Гуссейн же – другое дело, он военный министр и благоволит ко мне.

– И постарается употребить тебя для своих целей, – запальчиво перебил Гассан своего товарища. – Он знает, что ты в последнее время стал правой рукой великого визиря, и хотел бы через тебя получить необходимые сведения о подробностях и решении разных дел. Остерегайся его, вот мой совет. Сейчас тебя позовут к султану.

- Право, я не знаю, по какому делу.

– По твоему собственному, как ты увидишь. Вчера я получил от Зора первое письмо. Кажется, в Лондоне он запутался в приключениях и интригах, – сказал Гассан. – По крайней мере, из письма его видно, что он завален делами, постоянно в обществе и окружен удовольствиями. Любовь же его к леди Страдфорд, кажется, еще усилилась: он бредит ее красотой, умом и любезностью. Хорошо, если только он не игрушка в ее руках.

- Ты всюду видишь ложь и измену.

– Нас окружает много лжи, друг мой, – отвечал Гассан, который в последнее время часто бывал угрюмым и сосредоточенным: пророчество старой Кадиджи не выходило у него из головы.

- Мне кажется, – продолжал он, – что в будущем нас ожидают мрак и печаль.

– Нет, Гассан, брось эти глупости! – улыбаясь, воскликнул Сади. – Отгони от себя эти мрачные мысли и образы, прежде они не так одолевали тебя.

– Тише, звонок, я должен вернуться в кабинет, – прервал Гассан разговор и, оставив своего друга, поспешил на зов султана в его кабинет.

Через несколько минут он снова вернулся к Сади.

– Султан зовет тебя, – сказал он и отвел Сади в маленький, красивый тайный кабинет, где Абдул-Азис сидел на диване.

– Я приказал позвать тебя, Сади-паша, чтобы объявить тебе о решении, принятом мной и касающемся тебя, – начал султан, окинув испытующим взглядом красивого молодого пашу. – Мне докладывают, что принцесса Рошана намерена вступить в брак и что она желает отдать тебе свою руку.

Лицо Сади засветилось надеждой, он горел нетерпением услышать решение султана.

– Хотя ты и низкого происхождения, но я не против этого союза, так как ты своими заслугами и моей милостью возвысился до сана паша, – продолжал Абдул-Азис. – Я даже очень доволен, что принцесса желает вступить в брак.

– Приношу вашему величеству благодарность за это новое доказательство благосклонности, – прошептал Сади.

– Я ничего не имею против этого союза и желаю только, чтобы ты остался у меня при дворе, так как великий визирь хвалит мне тебя, – сказал султан. – Теперь ты знаешь мою волю. Гассан-бей, позови военного министра Гуссейна-Авни-пашу в мой кабинет.

Сади не мог уйти, так как не был еще отпущен, и, казалось, что Абдул-Азис хотел удержать его при себе.

Гассан отдернул портьеру. Военный министр с поклоном вошел в кабинет.

– Садись, паша, – приказал ему султан. Сади же остался стоять возле Гассана. – Ты пришел ко мне с докладом, начинай!

Гуссейн бросил вопросительный взгляд на Сади.

– Сади-паша останется здесь, – сказал султан. – Говори так, как если бы мы были одни.

Визирю, по-видимому, вовсе не хотелось, чтобы Гассан и Сади оставались свидетелями его доклада, он не знал, насколько можно было доверять им.

– Новые полки выступают завтра, – начал он. – Корабли с солдатами и военным снаряжением уже три дня как оставили гавань и отправились на место мятежа. Меня извещают, что все христианские народы, подвластные вашему величеству, намерены восстать, но пока довольно тех сил, которые мы уже отослали в Боснию.

– Мятежники принуждают меня к этому важному шагу, я приступаю к нему неохотно, так как заранее предвижу, что этот раздор приведет меня к столкновению с другими державами. Продолжай.

– Я хотел бы обратить внимание вашего величества на один благоприятный случай, – продолжал Гуссейн, – но не знаю, смею ли я в настоящую минуту говорить обо всем?

– Говори обо всем.

– Даже и о престолонаследии?

– Даже и об этом. Гассан-бей пользуется моим полнейшим доверием, и Сади-паша также знает мои намерения. Махмуд-паша не будет скрывать их от него.

– Я хотел, не теряя времени, указать вашему величеству, что теперь настала удобная минута ввести новый закон о престолонаследии, – сказал Гуссейн-Авни-паша. – Шейх-уль-ислам молчит, но исполнит желание вашего величества. Может быть, это удастся и без него, принудив его затем дать свое согласие.

– Что ты говоришь? – перебил Абдул-Азис визиря. – Ведь это насилие!

– Государственный переворот, ваше величество, не редкость в истории разных государств, это быстрый и энергичный шаг к достижению желания вашего величества, смелый удар, насильственная отмена обременительных и устаревших законов.

Сади недоверчиво глядел на человека, высказавшего такое предложение. Ему казалось, будто возле султана шипела змея, словно это были слова Иуды, хотевшего предать своего господина и благодетеля. Преследуя добрые, честные намерения, Гуссейн никогда не мог бы посоветовать султану подобной насильственной мерой поссориться с духовенством и этим дать грозное оружие в руки врагов.

– Ваше величество имеет в своем распоряжении меня и войско, – льстиво продолжил визирь, чтобы успокоить султана. – Теперь самая благоприятная минута. Всеобщее внимание устремлено на вассальные княжества, и войско внезапно выдвинулось на сцену. Войска вашего величества в образцовом порядке и душой и телом преданы своему повелителю, уж за это я ручаюсь.

– Ты говоришь о насилии. Я должен буду штыками и пушками придать вес своей воле?

– В назначенный вашим величеством день совершится этот переворот и, проснувшись на следующее утро, Константинополь найдет уже все оконченным, – продолжал Гуссейн. – Войска займут все важные пункты, шейх-уль-ислам и его советники будут окружены караулом, и новый закон о престолонаследии будет объявлен вашим величеством народу.

Абдул-Азис, по-видимому, находил удовольствие в заманчивой картине, которую рисовал ему военный министр, он задумчиво слушал его и позволил ему продолжать.

– Большинство слуг вашего величества стоят за этот план, противники же его и ненадежные будут в ночь накануне решительного дня арестованы в своих квартирах. Примкнув к новому закону, они тотчас же будут освобождены. Если народ возмутится, тогда выступят на сцену штыки: принцы будут отправлены в отдаленное место, а от имени наследника принца Юсуфа будут розданы народу деньги. Одним днем решится все и, не дожидаясь согласия шейх-уль-ислама, желание вашего величества будет приведено в исполнение.

– Я обдумаю твой план, Гуссейн-паша, – отвечал султан. Затем, отдав визирю еще несколько распоряжений, отпустил его.

Сади не мог дольше сдерживать себя. Как только Гуссейн вышел из кабинета, он бросился перед султаном на колени.

– О чем хочешь ты просить, Сади-паша? – спросил Абдул-Азис.

– Быть милостиво выслушанным вашим величеством, – отвечал Сади. – Речь Гуссейна не была речью верного слуги, умоляю ваше величество оставить его слова без внимания. Это были советы предателя.

Даже Гассан был удивлен этой неожиданной выходкой Сади, но тот следовал влечению своего сердца.

– Не отвергайте, ваше величество, моей просьбы, – продолжал он. – Внутренний голос говорит мне, что за словами этого визиря скрывается измена, фальшь, что заставляет меня трепетать – трепетать за жизнь вашего величества.

– Что ты сказал? – резко и сердито перебил молодого пашу султан. – Обвинение твое падает на испытанного советника и слугу моего трона.

– Внутренний голос не обманывает меня, я взываю о милостивом внимании вашего величества. Заманчивые предложения визиря фальшивы, а если и не так, то они результат заблуждения, последствия которого будут ужасны, – сказал Сади.

– Довольно, Сади-паша! – закричал султан. – Я извиняю твою опрометчивость твоими добрыми намерениями, но в этом случае просьба твоя опрометлива и недальновидна. Ступай!

Сади встал. Предостерегающий голос его не был услышан, он только повредил себе своими словами, это он чувствовал, он впал в немилость, но нисколько не раскаивался, так как не мог поступить иначе.

III

Отравление великого визиря

Единственное влиятельное лицо при дворе, которое оставалось противником бывшего шейх-уль-ислама и все еще мешало его замыслам и которого еще боялся Мансур-эфенди, был великий визирь. Махмуд-паша был человеком энергичным, хоть о внутреннем управлении его и говорили мало хорошего, но он твердо преследовал свои планы и выводил планы других. Мы знаем, что в течение многих лет он был противником шейх-уль-ислама, и Мансур неоднократно называл его интриганом.

Феми-эфенди, новый шейх-уль-ислам, был человеком пожилым, держался вдали от двора и не слишком много давал говорить о себе, он был более под стать великому визирю, чем Мансур, который ненавидел и боялся великого визиря, потому что тот разгадывал его планы. Мансур хотел возвести на престол принца Мурада и вполне был уверен в его благодарности за такую услугу. За насильственное низвержение султана, кроме Рашида и Гуссейна-Авни-паши, были также и визирь Халил-паша, морской министр Ахмед-Кейсерли-паша и Мидхат-паша. Мансур уже нашел нового преемника великому визирю в лице преданного ему Мехмед-Рушди-паши, но прежде всего надо было во что бы то ни стало устранить Махмуда. При этом, однако, надо было избежать всякой огласки. Открытое насилие, убийство, нападение не могли иметь места, к тому же подобное дело трудно было выполнить: великий визирь никогда не выезжал без свиты и, кроме того, рассказывали, что он, по совету одного посланника, носит под сорочкой толстую кожаную кольчугу, которая вполне предохраняет его от ударов и пуль. Надо было, значит, подойти к нему другим путем. Мансур-эфенди только потому взял к себе в услужение грека Лаццаро, что имел свои причины купить его молчание и еще нуждался в его услугах. Извлекая из него необходимую пользу, Мансур... но не будем забегать вперед.

Лаццаро был при Мансуре и давно уже заметил, что тот ненавидел и боялся великого визиря.

– Что, ваша светлость, если бы Махмуд-паша скоропостижно умер? – тихо и почтительно спросил Лаццаро, все еще величая своего господина прежним титулом, бросив искоса на Мансура свой страшный взгляд.

– Говорят, великий визирь по временам прихварывает, – отвечал Мансур-эфенди.

Никто кроме него ничего не знал об этом, но Лаццаро тотчас же понял смысл его слов.

– Правда, ходят эти слухи, – сказал он, украдкой посмеиваясь. – Махмуд-паша уже немолод, притом он довольно тучен – при подобном сложении с ним может когда-нибудь случиться что-нибудь недоброе. Пожалуй, в один прекрасный день он скоропостижно умрет.

– Невелика будет потеря для государства.

– А ваша светлость избавитесь от противника. Мне хотелось бы сделать один опыт. У меня в Галате есть знакомая, которая в былое время много странствовала и принесла с собой из одного персидского монастыря много прелестных вещиц. Она показывала мне раз тоненький кожаный мешочек. Но надо быть с ним чрезвычайно осторожным. Между редкостными средствами против всякого рода припадков есть и такие, что при случае могут иметь опасное действие. Мне помнится, что раз она показала мне маленькую коробочку с желтой цветочной пылью и сказала, что она ядовита. Кто, утомившись жизнью, захочет умереть, тому стоит только понюхать эту коробочку. Одного запаха, тонкой струйки этой пыли достаточно, чтобы вызвать мгновенную смерть.

– Достаточно одного вдыхания этой цветочной пыли? Вот действительно редкое средство.

– У моей знакомой в Галате их много. Мне помнится, в одном из ее кожаных мешочков есть несколько зернышек. Кто проглотит хоть одно из них, делается жертвой неминуемой смерти.

– По-моему, цветочная пыльца лучше, такое зернышко все равно что пилюля, а пилюли почему зря не принимают.

– Так-то оно так, ваша светлость, но ведь можно растолочь это зернышко в порошок и насыпать в стакан, – сказал Лаццаро. – У моей знакомой есть еще более редкие средства. Так, в одном флакончике есть у нее белый, прозрачный, как вода, сок. Она говорит, будто он выжат из корня цветка, растущего в монастыре далеко в Персии. Сок этот действует как экстракт гашиша, но еще в десять раз сильнее. Одной капли достаточно, чтобы вызвать чудеснейшие видения, двумя можно возвести душу к небесам, а трех капель достаточно для того, чтобы она уже никогда больше не возвращалась на землю, чтобы человек заснул навеки.

– Опасные средства, – заметил Мансур-эфенди.

– Вот что пришло мне в голову. Не даст ли мне ваша светлость какого-нибудь поручения к великому визирю? – вдруг спросил грек.

– Поручение? Гм, да, – отвечал Мансур, медленно растягивая слова, как бы в раздумье.

– Мне помнится, я должен был запечатать и отнести письмо великому визирю.

– Так, так – письмо. Разве я тебе говорил об этом?

– Кажется, сейчас, ваша светлость.

– Сейчас?..

– Или давеча, точно не помню.

Теперь Мансур хорошо понял, чего желал грек. Он сел за письменный стол и написал просьбу от неизвестного, в которой просил о месте, и подписался вымышленным именем. Затем, свернув бумагу и написав адрес, но не запечатав письма, передал его греку.

– Проситель – бедняк, которому я желаю добра, – сказал он. – Может быть, у Махмуда-паши и найдется для него какое-нибудь место. Но не говори ему, что пришел от меня, это не принесет пользы просителю. Знает ли великий визирь, что ты у меня в услужении?

– Нет, ваша светлость, – отвечал Лаццаро, принимая письмо. – Этого никто не знает, кроме нас двоих, да проклятого Черного Карлика, которая снова ускользнула из рук палача и с тех пор бесследно пропала. Я уже разыскивал лжепророчицу, но все усилия мои были тщетны, я нигде не мог найти ее. Теперь все мои надежды на Сади-пашу.

– На Сади-пашу? – с удивлением сказал Мансур.

– Точно так, ваша светлость. Через него я еще надеюсь отыскать ее, она наверняка имеет тайные сношения с молодым пашой.

– Затем-то ты и шляешься так часто по вечерам?

– До сих пор я еще не имел никакого успеха. Но я терпелив, ваша светлость. Сирра и Сади-паша не друзья Лаццаро, хе-хе-хе, – пробормотал грек, скаля зубы, – а враги Лаццаро рано или поздно непременно попадут ему в руки.

– Доставь же просьбу Махмуду-паше, – перебил Мансур-эфенди откровения грека.

Мансур был слишком осторожен и боялся, чтобы откровенность грека не зашла слишком далеко.

Лаццаро пошел исполнять данное ему поручение. Из развалин он прямо отправился в Скутари и на пристани взял каик на весь вечер. Прежде всего он велел лодочнику везти себя в Галату. На противоположном берегу он вышел еще далеко от дома старой Кадиджи и велел лодочнику ждать здесь. Он предпочел пройти немного пешком, чтобы лодочник не мог видеть, куда он шел.

Уже стемнело, когда Лаццаро подошел к старому, грязному, деревянному домику старой снотолковательницы. У дома он увидел изящный экипаж, – верно, у Кадиджи были знатные гости. Пока грек раздумывал, не лучше ли ему подождать, дверь дома открылась и из него

вышли две дамы, плотно закутанные в ячмаки². Лаццаро по одежде узнал в одной из них принцессу Рошану, в другой же – сестру ее, супругу Нури-паши. Старая Кадиджа проводила принцесс до экипажа.

Грек спрятался от них и только после отъезда экипажа подошел к старухе, все еще смотревшей вслед своим знатым гостям.

– А-а, это ты? – сказала она и указала в том направлении, куда скрылся экипаж. – Ты их видел?

– Это были принцессы.

– Хи, хи, хи, – захохотала старая Кадиджа вслед уехавшим дамам. – Пришли разгадывать свои сны – не много-то было в них хорошего. Принцесса любит Сади и все еще опасается своей соперницы Реции.

– Что, ты все еще ничего не знаешь о ней?

– Ничего, сыночек, совсем ничего. Но войди в комнату. Ведь ты пришел ко мне, не так ли?

– Значит, все еще нет никаких следов Реции. И Сирры тоже.

– Я все думаю, что они обе умерли, – заметила старая Кадиджа, вводя Лаццаро в грязную, жалкую комнату, где все еще носилось благоухание от нежных духов принцесс, а на столе горела старая лампа. – Третьего дня, – продолжала старуха, – на девичьем рынке у торговца Бруссы я случайно встретила с одной женщиной, муж которой, как потом узнала, перс, башмачник. Она пришла спросить Бруссу, не попадалась ли ему девушка с ребенком, которую зовут Рецией.

– Рецией? С ребенком?

– Слушай дальше, – отвечала старая Кадиджа и в беспокойстве убрала золотые монеты, полученные ею от принцесс. – Услышав имя Реции, я стала прислушиваться, расспросила ту женщину, которую звали Макусой, и от нее узнала, что дочь старого Альманзора нашла себе убежище у башмачника Гафиза.

– Так это действительно была она? А какой же это ребенок?

– Это ее сын от Сади. Но Сади теперь и знать ее не хочет, вследствие чего она в отчаянии и бежала ночью из дома Гафиза.

– Когда же это было?

– Уже с полгода. Старая Макуса сама точно не знает когда.

– И она не возвращалась?

– Она так и пропала вместе с ребенком. Старая Макуса спрашивала у Бруссы, не попадалась ли она ему, но он засмеялся и сказал, что он не торгует девушками с детьми.

– Сади-паша еще не раз вспомнит ее, он, у которого теперь другие сватовства в голове, – с пренебрежением сказал Лаццаро. – Он отнял у меня Рецию, выгнал меня из дома принцессы – я этого никогда не прошу бывшему лодочнику, он должен бояться меня. Пробьет и его час.

– Так, так, сыночек, твоя правда. Если бы я только знала, живы ли еще Реция и Сирра. Но говори, что тебе нужно от меня? Зачем ты пришел к старой Кадидже?

– Ты должна дать мне щепотку пыли, которую принесла из персидского монастыря, мне нужно ее для одного хорошего приятеля.

– Для одного хорошего приятеля, хи, хи, хи! Ты все еще такой же шутник, мой сыночек, – засмеялась старая снотолковательница. – Ты хочешь получить от меня тонкую, драгоценную пыль, которая убивает на месте того, кто только вдохнет или понюхает, или другим каким-либо образом примет ее, не так ли? Но у меня ее осталось только самая безделица.

– Если ее достаточно для одного, я дорого заплачу тебе, – отвечал Лаццаро, звеня деньгами.

---

² Ячмак – у турецких женщин то же, что чадра. – *Примеч. ред.*

– Посмотрим. Уж не для молодого ли Сади-паши готовишь ты это угощение? – спросила старая Кадиджа.

С этими словами она пошла в угол комнаты, где приподняла старую, грязную подушку и вынула из-под нее оклеенный серебряной бумагой, звездами и разными фигурами ящичек.

– Тебе нужно это для прекрасного Сади, да? – повторила она.

– Да, если ты уж так любопытна.

– Посмотри, вот весь остаток, – продолжала старуха и достала из ящичка тонкий стеклянный флакон, где было еще немного мелкого, как мука, желтого порошка.

– Я куплю у тебя остаток.

– Весь остаток? В уме ли ты? – вскричала старая снотолковательница. – Этим количеством можно отправить на тот свет человек десять! Довольно будет одной хорошей щепотки. Что у тебя там такое, письмо? – продолжала она, увидев, что Лаццаро вынул бумагу. – Письмо? Ах, я понимаю, ты хочешь употребить порошок вместо песка, хочешь посыпать им письмо. Смотри, довольно будет четверти. И ты дашь мне за это сто пиастров.

– Сто пиастров за одну щепотку?

– Это еще полцены, сынок. Такого порошка больше нигде нет.

Лаццаро бросил на стол горсть пиастров и развернул письмо.

– Осторожнее, чтобы пыль не попала нам в нос или в рот, а то мы погубили, – сказала старуха. – Предоставь мне это сделать, я уж знаю, как обходиться с этими вещами. Ба! – вдруг вскричала она, осторожно рассыпав немного порошка по бумаге и затем осторожно сложив письмо. – Вот какие у тебя знатные знакомые, хи-хи-хи!

Она успела пробежать глазами письмо и узнала, что оно адресовано великому визирю.

– Ба! На какие еще знакомства ты намекаешь? – сердито отвечал Лаццаро и вырвал письмо из ее костлявых рук.

– Зачем тебе иметь от меня тайны, сынок?

– Тайны, не тайны, а если ты не будешь молчать, тогда между нами все кончено.

– Ого, ты, кажется, боишься, чтобы я не разболтала о твоём письме?

– Да, когда бываешь пьяна.

– Никогда я не бываю пьяна настолько, чтобы забыть, что можно сказать и чего нельзя, – возразила старая Кадиджа. – Мы делали с тобой немало хороших дел, не забудь это, сынок. Не я ли отвела тебя к баба-Мансуру, когда ему понадобилось устранить Альманзора и его сына Абдаллаха...

– Ты это сделала. Но так как мы уже заговорили об этом, то скажи, пожалуйста, чему приписать твою ненависть к старому Альманзору и его семейству? Что скажешь ты на это, Кадиджа?

– В другой раз, сыночек, в другой раз, – отвечала старая снотолковательница.

При последних словах грека ею овладело сильное беспокойство, и судорожные гримасы совершенно исказили ее и без того страшно безобразное сморщенное лицо.

– Хорошая вещь твое письмо, хи-хи-хи! – продолжала старуха. – Да, да, по крайней мере освободится место и младшие смогут получить повышение. Берегись только, чтобы в случае скоропостижной смерти Махмуда-паши красавец Сади-паша не сделался великим визирем. Хи-хи-хи, почем знать, принцессе ведь приснилось нечто похожее.

– Лучше бы ты давеча ослепла, чтобы не читать чего не следует, – пробормотал, скрипя зубами, Лаццаро и вышел из дома старухи.

– Какие у тебя всегда благочестивые желания! – воскликнула Кадиджа, провожая своего друга до дверей.

Долго слышался ему отвратительный, хриплый смех безобразной старухи.

Он поспешно вернулся к пристани, где ждал его каик, и приказал лодочнику везти себя в Стамбул. Здесь, недалеко от сераля, помещался большой, роскошный дом великого визиря.

Махмуд-паша к вечеру отправился на совет визирей в сераль. Заседание, на котором было решено быстрое усмирение мятежа вооруженной силой, продолжалось недолго, и в сумерках он вернулся домой. Поужинав в кругу семейства, он отправился в свой рабочий кабинет, где имел обыкновение засиживаться часто до поздней ночи. Рабочий кабинет великого визиря помещался рядом с большим приемным залом и возле маленькой прихожей. Прежде чем приступить за работу, Махмуд-паша отворил высокие двустворчатые двери в приемный зал, так как в кабинете было очень жарко. Затем он сел за письменный стол, над которым висела большая, роскошная лампа, и занялся окончанием некоторых административных дел. Но едва он успел просмотреть несколько бумаг, как вдруг услышал шум. Он быстро вскочил с места. В приемном зале, слабо освещенном несколькими канделябрами, ясно слышались шаги. Великий визирь посмотрел в зал, где царил таинственный полусвет. Вдруг перед его удивленным взором предстала какая-то фигура. Было еще не поздно, по галереям везде еще сновали слуги, может быть, это был один из них. Он окликнул – ответа не было. Он хотел посмотреть, в чем дело, но в эту самую минуту у входа в приемный зал он увидел фигуру в лохмотьях, в зеленой арабской повязке, а под ней на лице сверкала золотая маска. Великий визирь с удивлением посмотрел на таинственную фигуру, которая в ту же минуту исчезла.

– Золотая Маска, – пробормотал он. – Да, это была она, и в народе ходит поверье, что появление ее служит предостережением. Она появилась на улицах перед началом мятежа. Что предвещает мне ее появление?

Махмуд-паша не окликал ее и не преследовал. Он даже не звал прислугу. Несколько минут простоял он в раздумье, но размышления его были прерваны появлением камердинера. Великий визирь думал, что он пришел доложить ему о странном видении.

– Человек с письмом ожидает в приемной, ваше сиятельство, – сказал камердинер. – Он так настоятельно просит увидеть вас, что я наконец должен был уступить его просьбам.

– Что это за человек? – спросил Махмуд-паша.

– Какой-то проситель.

– Возьми у него письмо.

– Он не хотел его отдавать мне, боясь, что оно не дойдет до вашей светлости и что вы его не прочитаете.

– Скажи ему, что я приму и прочту письмо, а если он и тогда не захочет уйти, то выгони его.

Слуга с поклоном удалился.

– Странно, – пробормотал великий визирь. – Что означает появление сказочной фигуры в этих местах?

Он подошел к открытой двери и пристально всмотрелся в далекое, полутемное пространство. Зал был пуст, не оставалось никаких следов Золотой Маски. Слуга с письмом вернулся в кабинет и, положив его на письменный стол, удалился. Махмуд-паша в раздумье оставил зал. Что-то удерживало его спросить слугу о загадочном видении. Не было ли это просто обманом чувств, галлюцинацией?

Великий визирь сел за стол и снова принялся за работу. Около часа спустя взгляд его случайно упал на письмо и, вспомнив свое обещание прочесть его, он взял письмо, развернул его и ударил рукой по бумаге: ему показалось, что на ней желтая пыль. Маленькое, едва заметное облачко пыли поднялось с бумаги прямо в лицо великому визирю, но он, ничего не подозревая, принялся читать просьбу. От вдыхания этой пыли им овладел легкий припадок кашля, но Махмуд-паша не обратил на это внимания, прочел письмо до конца и таким образом вдохнул в себя весь яд, в нем содержащийся. Некоторое время спустя он почувствовал сильную усталость и в изнеможении откинулся на спинку кресла. Им овладело состояние полнейшего оцепенения – роковое письмо выпало у него из рук. Перед его глазами носились беспорядочные картины. Ему казалось, что молния ударяет в него, что яркое пламя огромными языками

обвивает его тело. Слепленный яркими лучами, закрыл он глаза и все не мог избавиться от света сверкающих молний, он хотел бежать от них, но не мог. Смертельный страх овладел им.

Супруга его, удивляясь, что он так долго сидит за работой, вошла в кабинет. Каков же был ее испуг, когда он увидела, что муж ее лежит в обмороке, откинувшись в кресле, голова его и руки, словно налитые свинцом, тяжело свесились на пол. Легкий крик ужаса сорвался с ее уст. Она бросилась к мужу – он был в совершенном оцепенении. Она позвала прислугу, и немедленно были пущены в дело все средства, чтобы привести его в чувство. После долгого труда это наконец удалось им. Махмуд-паша действительно пришел в себя, но жаловался на мучительную боль в голове и во всем теле. Немедленно были призваны доктора, а великий визирь был отнесен на постель. За ночь, благодаря немедленной медицинской помощи, унялась головная боль, но зато боль в теле увеличилась, достигнув таких ужасающих размеров, что доводила его до обморока. Доктора сказали супруге визиря по секрету, что тут налицо отравление. Это доказывали все признаки его болезни, хотя и не нашли ничего, что подтверждало бы это подозрение. Великий визирь ужинал в кругу семьи и после этого ничего не ел.

Состояние Махмуда-паши было так опасно, что доктора сочли нужным приготовить его супругу ко всему. Конечно, они не могли определить, когда наступит смерть, но на выздоровление было так мало надежды, что они сочли долгом прямо объявить это его близким.

Наутро султан, узнав о внезапной болезни Махмуда-паши, послал Гассан-бея в его дом узнать о состоянии здоровья великого визиря. Гассан принес зловещий ответ, и весть об опасном положении первого сановника в государстве быстро разнеслась из уст в уста, а телеграф передал ее во все концы света.

IV

Восстание начинается

Угнетенные христианские народы начали восставать, вассальные княжества не хотели больше подчиняться для них одним установленным законам. Не хотели дольше переносить самоуправство турецких чиновников. Тщетно другие державы ходатайствовали у Порты за подчиненные ей христианские княжества. Визири обещали немедленно приступить к улучшению их положения, но дальше обещаний дело не шло, и христиане остались в прежнем положении. Тогда угнетенные народы, гяуры, как с пренебрежением называли их турки, восстали. Они не хотели выносить долее нестерпимое иго и, зная, что ничего не достигнуть просьбами и убеждениями, взялись за оружие, подстрекаемые разными лицами, происхождение и замыслы которых никому не были известны, но которые, в сущности, были переодетыми турками, подсланными Майсуром и другими, заодно с ним действовавшими, ревнителями ислама. Вере божественного пророка необходима была новая кровавая жертва, новое торжество.

Как при лесном пожаре опустошительное пламя неудержимо стремится вперед, не зная преград, так и пламя мятежа с невероятной быстротой переходило с места на место, и в короткое время борцы уже собрались по зову их вождей. Все клялись вести с турками борьбу не на жизнь, а на смерть и лучше умереть, чем снова покориться. Силы восставших возрастали с каждым днем, и турецкие войска уже выступили для усмирения мятежа, о бурном начале которого приходили известия в столицу. И здесь втихомолку и открыто разжигали фанатизм. Повсюду на площадях являлись дервиши с зелеными знаменами и подстрекали толпу к кровавой религиозной войне. На улицах толпились софты. На оружейных рынках в скором времени распродали все запасы оружия, и на улицах Стамбула ослепленные фанатизмом турки грозно сжимали кулаки и размахивали кинжалами, ярко сверкавшими на солнце.

В Бейко, прелестном летнем дворце, а также и на пустынной тагандшитарской равнине между Скутари и Кадикией уже с давних пор возвышались белые конусообразные палатки войск. В этом смысле вышеупомянутый пункт есть историческое сборище созданных под знамена пророка борцов династии Османов. Здесь собирались войска, которые в тридцатых годах в виде подкрепления были посланы в глубину Анатолии, когда египетский Ибрагим-паша уже перешел Тавр и при Конхе разбил турок наголову. Весь северо-запад Анатолии походил тогда на огромный лагерь.

Перед Крымской войной и во время ее неоднократно повторялись подобные сцены, и теперь стоит только бросить взгляд на лагерное поле в Скутари, и все эти сцены снова выступают перед глазами наблюдателя. Живо представляется ему весь этот восточный сброд, яркие разнообразные костюмы которого напоминают маскарад. Сераскир употребил все усилия для подкрепления своих войск в мятежных областях. Хотя система набора рекрутов в азиатских провинциях и находится в младенческом состоянии, но кто знает короткую процедуру этого дела в Турции, тому нисколько не покажется удивительным, что отряды, расположенные лагерем по Босфору, с каждым днем все увеличивались. В больших городах барабанным боем сзывают нерегулярных солдат, затем следует чтение короткого приказа – и дикие орды мчатся в соседние округа, где ловят всех способных носить оружие и тащат в казармы. Долгие и утомительные походы приходится делать этим новобранцам. С высот Киликийского Тавра и опасных разбойничьих притонов Анти-Таврской горной страны спускаются они в малоазийские области: в Ангору или Канзий. Значение этого последнего города, где под куполообразным сводом почитает магометанский святой Желлиль-Эддин помогает рекрутам забыть свое подневольное положение, воспламеняя сердца их любовью к Отечеству и разжигая фанатизм.

Многие из новобранцев пришли из северных понтийских стран. Надетые на них колючие амулеты указывают в них береговых жителей Симсонских островов, между тем как сильные,

рослые фигуры, занятые приготовлением жирного барана, внутренность которого они начиняли пилавом, не могли скрыть их происхождения с Аракса, с озера Ван и из Курдистана. Все они вместе примкнули к малоазийским башибузукам. Их связующим началом служит седобородый дервиш из Баязета, амулеты которого, состоящие из пестрой коллекции камней, раковин, зубов акулы, бренчат на мускулистой, обнаженной шее. Глаза его дважды видели Каабу, а сандалии, ступавшие на землю Геджаса, изрезанные на мелкие ремешки, представляют странное, оригинальное украшение пояса. С восторгом приковываются взоры старика к сверкающим золотом исполинским куполам Айя-Софии. Взгляд этот словно устремлен на видение, может быть, он вызван употреблением слишком сильной дозы гашиша; сквозь розовый туман тусклый взгляд его погружается в золотую область рая. Пронзительно звучат барабаны арнаутов. Радостные крики потрясают воздух. Боязливо смотрит мрачный Аймар, а старый дервиш с истоков Евфрата вздрагивает, словно пробужденный от тяжелого сна.

Суеверные сыны гор Курдистана, которые у себя на родине находят большое удовольствие в таинственных приключениях, снова увидели давно исчезнувший призрак, Золотую Маску, предвестника бурных событий... Один хороший приятель рассказывал мне однажды, что в Сприи во время вступления французских войск в 1860 году в одну ливанскую деревню встретился он с Золотой Маской. Тот мелькнул посреди дравшихся, положил монету на прилавок кабака, где происходила ссора, и спокойно удалился тем же путем.

После заката солнца, когда вечерняя заря уже погасла на небосклоне, и яркое пламя костров осветило живописные группы башибузуков, черкесов и других горцев, в одном конце бивуака внезапно возникло дикое смятение. Нельзя было разобрать ни одного звука, и высокомерные дервиши с благоговением складывали руки на груди. Скоро загадка разрешилась – фигура в лохмотьях, с бледным лицом и необычайным взглядом, словно желавшим открыть мир страданий, проходила сквозь остолбеневшие от удивления ряды. Затем таинственный гость исчез во мраке ночи.

Мало-помалу на обширном поле водворилась тишина, только собаки с громким лаем бродили еще по лагерю, забирались в глубину его к кострам, где поедали остатки мяса и кости. Временами раздавался однообразный оклик часовых: «Кто идет?» Вот картина турецкого лагеря.

Теперь бросим взгляд на лагерь инсургентов: боснийцев и герцеговинцев, пестрой толпы людей в разнообразнейших костюмах, частью плохо вооруженных, которые близ одной деревни расположились на несколько дней для отдыха, между тем как вождь их ждет еще подкрепления из окрестных деревень и всех вызывает принять участие в борьбе за веру и Отечество.

Восстание начинается. Повсюду образуются подобные пестрые толпы. Из всех деревень, через которые они проходят, примыкают к ним новые борцы за веру и свободу, сопровождаемые благословениями жен и невест. Отважное мужество и воодушевление всецело овладели ими. Они были в том возбужденном состоянии, в котором воины, презирая опасность, смело идут на смерть.

Вот их лагерь за деревней, у огня лежат эти мощные, стройные люди с угрюмыми лицами, обрамленными черными кудрями и усами, с темными, сверкающими глазами. Пристально смотрят они в ярко-красное пламя, и один из них рассказывает о новых оскорблениях турок. Ночной ветерок колышет над ними верхушки вековых деревьев, а вдали слышится тихая музыка скрипок и цимбал – там танцует веселая пылкая инсургентская молодежь с красивыми черноглазыми деревенскими девушками, забывая на время о смерти, на которую они идут. Как мчатся они в диком, бешеном танце, затем, взявшись за руки, в такт музыке смелыми, ловкими прыжками выказывают силу своих мускулов! Сегодня танцуют – завтра будут биться! Сегодня целуются – завтра будут истекать кровью, сегодня веселятся, пьют, едят – завтра пойдут на смерть!

В кабаке, расположенном на краю деревни, два бледных, чернобородых инсургентских вождя с каким-то высоким иностранцем сидят за столом и пьют вино. Он сам присоединился к ним и, яркими красками рисуя прежние злодеяния последователей полумесяца, разжигает в сердцах их еще большую ненависть к притеснителям, с бледным лицом и в сильном негодовании подстрекает инсургентов к решительным действиям и велит подавать им вина, чтобы при помощи его заставить их решиться действовать быстро и решительно. По-видимому, он отлично знаком с местностью, а между тем он не босниец, не серб, не болгарин. Он говорит обоим славянским предводителям, что слабый турецкий отряд под предводительством паши прибыл в лагерь, расположенный в двух милях от лагеря инсургентов, и ждет подкрепления. Он так увлекся своим красноречием, что даже не замечает, что в тени открытого портика два больших черных глаза наблюдают за ним и что стоящий в темноте слышит каждое его слово.

– С рассветом нападите на этот отряд – и вы наверняка одержите победу, – продолжает он. – Первую победу в вашем походе против ваших притеснителей. Враги ваши слабы, они не думают о нападении. Позовите сюда ваших солдат и начните атаку.

– Что там такое? – перебил один из инсургентских вождей иностранца. – Кто там? Что случилось?

Громкий крик раздался в портике, толпа мужчин и женщин обступила какого-то необыкновенно высокого полунагого человека.

– Укротитель змей! Посторонитесь! Укротитель змей! – слышалось со всех сторон, и собравшаяся толпа проводила старика, вокруг мускулистых, загорелых, обнаженных рук которого обвились змеи, до зала, где сидели оба вождя вместе с иностранцем и стояли еще несколько мужчин.

Укротитель змей был в старой, грязной чалме, с амулетом и дудкой на шее и в коротких, до колен, широких шароварах. Лицо его, так же как руки и ноги, было сильно загорелое, и резкий контраст с темным цветом кожи представляла длинная белая борода. Он казался очень старым. Он был худощав, но зато был рослый, мускулистый, сильный. Рубашка, скрывавшая верхнюю часть туловища, расходясь спереди, обнажала его худощавую, но широкую и сильную грудь.

– Дайте место укротителю змей! – слышалось из толпы. – Он сейчас заставит танцевать змей!

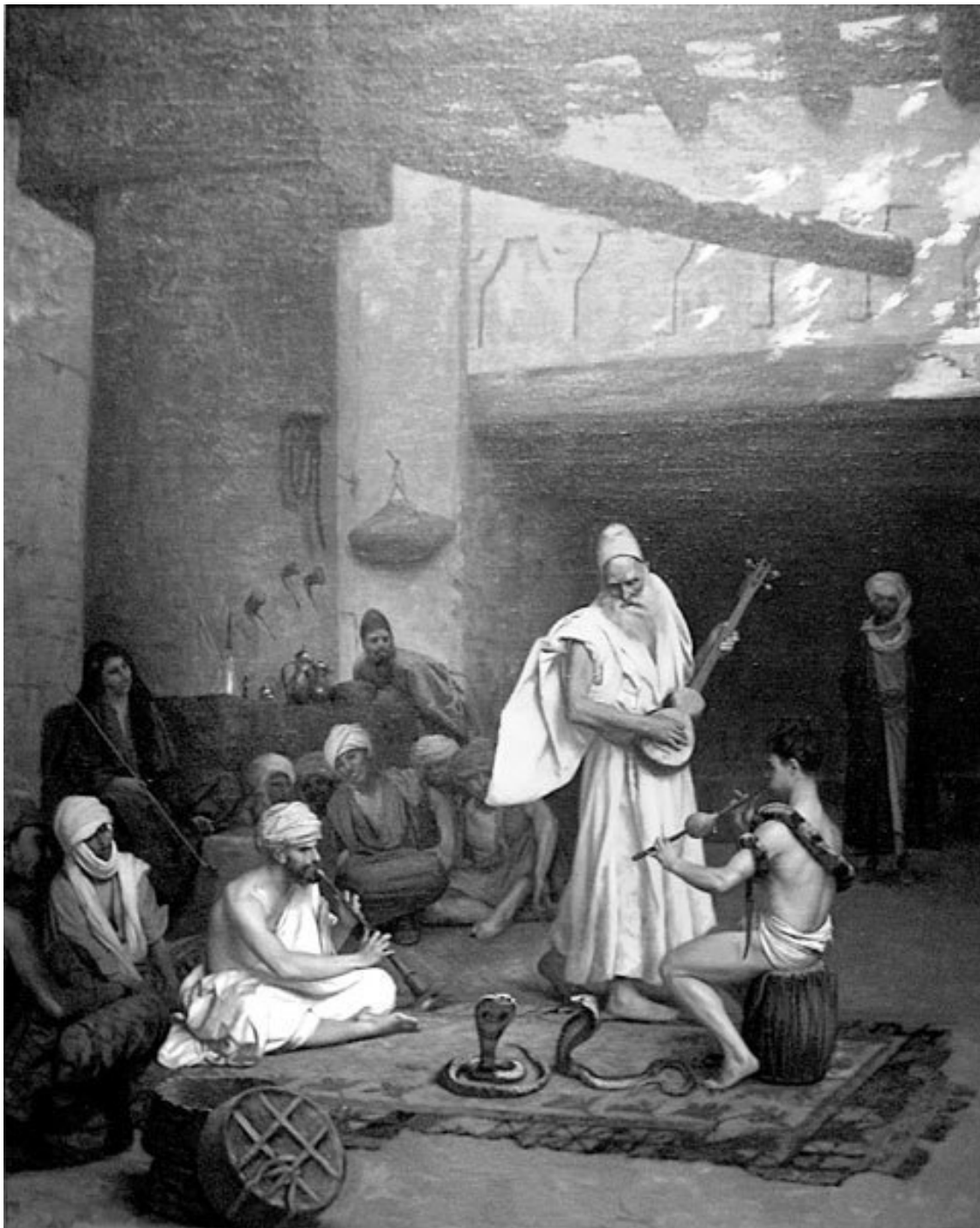
И в течение нескольких минут возле странного старика образовался кружок любопытных из девушек и парней.

Старик бросил шкуру на гладко утоптаный глинистый пол кабака, поджав ноги, уселся на нее и снял с рук пять-шесть змей, которые, повертевшись несколько минут, спокойно улеглись около своего хозяина. При виде длинных извивающихся змей присутствующие, особенно девушки, в ужасе отскочили назад, затем снова образовали круг, увидев, что страшные существа, повинувшись знаку своего господина, смиренно легли у его ног. Но вот укротитель змей заиграл на дудке и притихшие, словно сонные, животные, услышав эти звуки, мигом вскочили одна за другой. Странно было смотреть, как они, зачарованные музыкой, будто стрелы, тянулись вверх, приближая головы к дудке, и трясли своими острыми раздвоенными языками. Тут старик стал извлекать другие звуки из своей дудки, змеи вскакивали, приседали и принимались как бы танцевать под музыку. Это вызвало между присутствующими громкие крики одобрения: одни бросали старику деньги, другие предлагали ему вина, но старик отказался.

– Турок, он турок! – слышалось несколько голосов, но они заглушены были всеобщим интересом к танцующим змеям.

Но вот старик оставил дудку, музыка смолкла, а змеи длинным рядом остались стоять в той же позе перед своим укротителем, приподнявшись всем корпусом и высоко вытянув головы. Старик взял маленькую палочку и коснулся ею головы первой змеи. Она, словно мертвая, мгновенно упала, как бы по мановению волшебного жезла. И со второй, третьей и так

до последней повторил он свой фокус; все повиновались ему и, словно мертвые, попадали на землю. Это был, по-видимому, конец странного представления. Между тем старик все еще оставался на земле со своими змеями, а толпа любопытных разошлась, только за столом пировали еще несколько человек.

Заклинатель змей. Художник Жан-Леон Жером

Оба инсургентских начальника и сидящий с ними иностранец, казалось, совсем позабыли о странном зрелище. Они все еще были увлечены жарким разговором, а иностранец прилежно пил за их здоровье.

– Если вы соберете всех ваших солдат, то у вас будет достаточно сил для того, чтобы обратить в бегство весь корпус паши, – сказал он так громко, что ни одно слово не ускользнуло

от сидевшего рядом укротителя змей. – Он еще не знает, что вы со всех концов собираетесь сюда, иначе он не отважился бы зайти так далеко. До наступления утра вы должны выступить со своими храбрыми воинами, а на рассвете сделать нападение.

– Не делайте этого, – внезапно прозвучал глубокий, сильный голос – он принадлежал укротителю змей. – Это было бы для вас падением, гибелью!

Незнакомец вскочил с места.

– Кто сказал это? – гневно вскричал он.

– Я, Абунец, укротитель змей. Не полагайтесь на слова этого человека, он хочет заманить всех вас на смерть.

– Допросить старика! – беспорядочно закричали другие, а иностранец громко выражал свою ярость и, казалось, не хотел допустить укротителя змей до ответа.

– Это турок, шпион! – закричал он, указывая на Абунца. – Он держит змей только для виду.

– Он – турок! Он отказался от вина, – раздалось в толпе.

– Паша подослал его выведать численность ваших сил, – продолжал иностранец, – он – шпион!

– Шпион! Да, да! Он шпион! – кричали многие. Абунец поднялся с места.

– Делайте, что угодно, господа, – сказал он, – возьмите меня под стражу как шпиона или выступайте против паши, говорю вам, что вы погибли, если сделаете нападение. Не хотите верить моему предостережению, так слушайте вон того...

Присутствующие, по-видимому, разделились на две партии.

– Тот же, что назвал меня шпионом, явился сюда подстрекать вас к нападению и тем передать вас в руки паши, – продолжал укротитель змей. – Берегитесь его, он – орудие Мансура, клевет бывшего шейх-уль-ислама, он пришел заманить вас на смерть.

– Замолчи, старый пес, или я выблюю из тебя храбрость! – закричал иностранец и, бешено размахивая кулаком, подступил к Абунцу.

– Не трогай меня, Алабасса, младший ходжа из Перы, или ты пропал, – отвечал укротитель змей.

– Он знает его! Он его знает! – восклицали присутствующие, обступая обоих противников. – Он знает его имя! Он назвал его младшим ходжой. А тот назвал старика шпионом.

Иностранец, которого укротитель змей назвал Алабассой, орудием бывшего шейх-уль-ислама, был вне себя от гнева. Злоба кипела в нем на старика, который снял с него маску и назвал его клеветом Мансура. Откуда мог знать это укротитель змей? Почему знал он его имя? С бешенством напал он на старого Абунца и ударом кулака хотел заставить его молчать, считая это лучшим и скорейшим средством избавиться от опасного врага. Он полагал, что старость сделала Абунца неспособным ко всякому серьезному сопротивлению и что потому ему не будет стоить никакого труда справиться с ним. Но расчет Алабассы оказался неверным, хотя его отнюдь нельзя было назвать слабым, к тому же злоба и опасность делали его сильнее, чем когда-либо, тем не менее нападение неожиданным образом приняло другой оборот, чем он предполагал.

Оба инсургентских вождя оставались пока безмолвными зрителями происшедшей ссоры. Они не знали, кому из двоих верить. Алабасса выказал себя их другом и доброжелательным советником, пил с ними вино и побуждал их к нападению – они никак не могли поверить, чтобы он мог быть изменником. Другой был бродяга, укротитель змей, по-видимому, принадлежавший к врагам или к туркам. Итак, положение старого Абунца было весьма незавидно. Он был среди мятежников, которые ненавидели и опасались каждого турка. Позы присутствующих уже убедили его, что между ними не было ни одного, кто бы держал его сторону. Никто не помогал ему, никто не удерживал его противника, когда тот, размахивая кулаками, бросился на старика, – все оставались праздными зрителями происшедшего затем жестокого кулачного

боя, никто не вмешивался в него – все стояли кругом и смотрели, даже оба инсургентских вождя и те, сидя за столом, равнодушно смотрели на бойцов, спокойно пуская голубоватый дым из своих коротких глиняных трубок.

Алабасса, клеврет Мансура, боялся дурных результатов, если только ему не удастся заставить молчать проклятого старика, который обличал его и как изменника мог привести к страшной смерти на одном из ближайших деревьев. Но бешеный удар кулака, направленный им в голову противника, отскочил от нее, словно та была из железа. Тем не менее, никто из присутствующих не сомневался, что в этой борьбе старый укротитель змей должен уступить, так как противник его был моложе и, казалось, значительно превосходил его силой. Алабасса вторично поднял кулак, чтобы на этот раз, словно молотком, ударить Абунеца прямо в голову, но в ту же минуту почувствовал на себе руки старика. Укротитель змей спокойно выдержал первый удар, второго он не стал дожидаться, а схватил своего противника за грудь и шею и далеко отбросил его от себя. При этом Алабасса нечаянно наступил на одну из змей. В бешенстве со страшным шипением бросилась она на него и заставила его в ужасе отступить – расвирепевшее существо хотело преследовать его, остальные змеи последовали примеру своей подруги.

– Убери твоих ядовитых гадов, старый пес, иначе мы убьем их, – закричал вне себя от ярости Алабасса.

– Убейте змей! – кричали некоторые из присутствующих, сильно напуганные яростью странных животных.

– Кто тронет у меня хоть одну из них, смерть тому! – грозно воскликнул укротитель змей.

– Уж не хочешь ли ты воспользоваться ими для своей защиты, шпион? – с сарказмом спросил Алабасса, желая натравить всех присутствующих на старика.

– Я сам сумею защититься, младший ходжа из Перы, который хочет по поручению Мансура заманить этих воинов на погибель, – отвечал Абунец.

– Так спрячь же своих змей, чтобы я мог размозжить тебе твой проклятый череп, злоречивый пес! – кричал Алабасса, не в силах сдерживать долее своей гнев.

– Будешь ли ты отрицать, что ты Алабасса? – спросил укротитель змей, успокаивая раздраженных животных и пряча их в стоявший сбоку ящик. – Уж не намерен ли ты отрицать, что ты младший ходжа из Перы?

Алабасса бросился на старика, завязалась бешеная схватка. Яростное нападение молодого и к тому же раздраженного человека, по-видимому, должно было сейчас же положить конец этой борьбе – старый Абунец принужден был отступить. Но он отступил только на два шага, затем положение дел мгновенно изменилось. Укротитель змей схватил своего противника и с размаху бросил на землю. Он сделал это так быстро, так легко, что, казалось, это не стоило ему никаких усилий.

По его обнаженным, смуглым, худощавым рукам нельзя было догадаться о присутствии в нем такой силы, и все считали падение Алабассы просто случайностью. Мигом вскочил он на ноги и бледный, дрожа от бешенства и злобы, снова бросился на старого Абунеца, вытащив из кармана маленький кинжал, которого до сих пор никто не видел у него.

Абунец заметил блестящее оружие в руках не помнящего себя от ярости врага.

– А, так вот чего ты хочешь, младший ходжа из Перы, – хладнокровно сказал он. – В таком случае ничто не поможет, ты должен умереть.

С пеной у рта бросился Алабасса на своего противника, однако ему не удалось ранить его. Старик снова далеко отбросил его от себя и на этот раз с такой ужасной силой, что вызвал всеобщее удивление и на минуту поднялся во мнении толпы. В первый раз видели они старика, обладавшего такой силой, этого никто не ожидал от него и теперь просто не верил своим глазам. Такой оборот поединка невольно вызвал у всех крики удивления, и теперь казалось, что благосклонность толпы перешла на сторону человека, который имел еще такую громадную силу в своих сухих, старческих руках. Но Алабасса вовсе не хотел признать себя побежден-

ным, хотя при падении и вывихнул левую руку. Он вскочил как ни в чем не бывало. В правой руке при свете свисавшей с потолка лампы сверкал кинжал. Скрипя зубами, как олицетворение безумной злобы, бросился он в третий раз на старика.

На этот раз нападение обошлось ему гораздо дороже. Терпение старика, казалось, истощилось. Не дожидаясь нового удара, он ударил Алабассу по лицу. Кровь хлынула у того изо рта или из носа, он зашатался: с такой ужасной силой поразил его меткий удар укротителя змей. Но тому хотелось положить конец борьбе. Второй меткий удар его кулака лишил чувств клеветы Мансура. Тогда Абунец вырвал у побежденного врага кинжал.

Словно мертвец лежал Алабасса на полу, а Абунец с мрачным видом стоял над ним, как победитель над побежденным. В его власти был этот человек, жалкое орудие Мансура. Ему оставалось только убить негодяя, вонзить ему в сердце кинжал. Но укротитель змей считал унижительным для себя убивать сраженного, лежащего у ног его врага, и с отвращением он отбросил от себя кинжал.

В эту самую минуту один из инсургентских вождей встал из-за стола: на улице перед кабаком поднялся страшный шум, с каждой минутой принимавший все большие и большие размеры. Ясно слышались крики нетерпеливых солдат, громко требовавших, чтобы их вели в битву. Но вот и внутри кабака снова поднялась суматоха. Воины утверждали, что укротитель змей был шпионом.

Предводитель инсургентов подошел к нему.

– Ты слышишь, мои солдаты считают тебя шпионом, – сказал он. – Я не желаю слушать твоих оправданий, все равно они ничем не могут изменить твоего положения. Ты мой пленник.

– Я не отказываюсь от плена, – отвечал старый укротитель змей. – Я знаю, что невиновен. Я вовсе не шпион. Я пришел предостеречь тебя от нападения. Не полагайся на слова того человека, который лежит на полу без чувств, он изменник.

– Обыскать карманы иностранца, – приказал предводитель стоявшим около него волонтерам.

Они бросились на Алабассу, оборвали его шитый шнурками кафтан и перешарили карманы.

– Вот бумажник! – закричал вдруг один из них, ощупав его рукой и почувствовав, что он глубоко вшит в подкладку.

– Оторвать его, – приказал начальник.

Солдаты сделали это и подали бумажник вождям. Те подошли к столу, чтобы подвергнуть бумаги тщательному осмотру. Все они, по-видимому, были вполне невинного свойства, так что один из вождей хотел уже собрать их и положить обратно в бумажник. Но в эту минуту другой нашел в нем секретное отделение, разорвал бумажник и достал несколько бумаг, доказавших, что старый укротитель змей был прав, называя иностранца младшим ходжой Алабассой из Перы. И это было бы еще ничего, он мог отказаться от своего прежнего положения и прежней религии. Но вот оба вождя, вокруг которых с любопытством толпились воины, нашли другие бумаги, из которых оказалось, что Алабасса был родом серб, что он, желая возвыситься в Турции, перешел в магометанство, что он состоял на службе у бывшего шейх-уль-ислама и действовал в его интересах. Тогда ярость всех бывших в кабаке инсургентов перешла все пределы, и оба вождя вовсе не считали своей обязанностью защищать изменника, шпиона и врага Отечества. Все бросились на успевшего уже прийти в чувство Алабассу. Он мигом был вытащен из кабака на улицу и растерзан на куски. Подобно диким зверям, набросилась разъяренная толпа мужчин и женщин на изменника, одни побивали его камнями и палками, другие рвали на куски. Через несколько минут клевет Мансура обратился в бесформенную кровавую массу.

– Ведите нас в бой! – кричали инсургенты, размахивая оружием. – Мы хотим напасть на проклятых мусульман, хотим биться с ними. Зачем вы медлите, ведите нас. Мы хотим победить!

– Победить! Хотим победить! – отовсюду раздавались крики воинов, воодушевленных мужеством и ненавистью к врагам.

Это высокое чувство увлекло и обоих вождей.

– Не вступайте в битву! – закричал старый укротитель змей, которого два инсургента связывали веревками, чтобы как пленника потащить за собой. – Послушайтесь моего предостережения. Вы будете побеждены. Паша имеет в своем распоряжении силы, втрое превосходящие ваши...

Но голос предостерегающего Абунеца был заглушен криками солдат.

– Вперед! – громко разнеслось во все стороны.

– В бой! К победе! – кричали исполненные мужества воины, размахивая оружием.

Под прикрытием ночи они собрали свои отряды. Это было значительное войско. Затем жаждущие брани смельчаки выступили, увлекая за собой и плененного укротителя змей.

V

Жертва верной любви

Мы оставили Рецию как раз в ту минуту, когда она, беспомощная, всеми покинутая, в отчаянии, с ребенком на руках бросилась на рельсы перед приближающимся локомотивом. Что было ей теперь в ее жалком нищенском существовании, когда Сади оставил ее? Что было ей в жизни без него? Зачем должен был бедный ребенок, залог его любви, преждевременно узнать горе и нищету, единственный удел его и матери в этом мире с тех пор, как Сади бросил ее?

Есть глубина скорби, равная безумию. Если она охватывает нас своими когтями, если эта лютая скорбь терзает наше сердце, тогда нет места ни размышлению, ни страху, ни колебанию. В такую минуту, когда нам кажется, что Бог отступился от нас и нечего уже более ожидать нам на свете, в такую минуту Реция решила умереть, не испугавшись ужасной кончины и греха, в такую минуту с улыбкой мужества, словно шла не на смерть, а на освобождение, бросилась она на рельсы.

Не являлась ли эта ужасная картина во сне Сади-паше? Где был он в то время, когда несчастная Реция искала смерти? Не подозревая о ее ужасной участи, занятый своими планами и важными делами, он сидел в роскошном дворце принцессы Рошаны. Неужели в эту минуту страшное предчувствие внезапно не охватило ужасом его душу? Не подсказал ли ему внутренний голос имя несчастной, покинутой им возлюбленной? Или ласки принцессы заглушили в нем тихий голос совести и он остался неслышанным? Говорят, что при такой пылкой любви между любящими сердцами существует тесная связь, так что один предчувствует опасности и особенно тяжелые события в жизни другого, как бы далеко тот от него ни был. Имел ли Сади подобное предчувствие? Казалось, что да. У принцессы им внезапно овладело непреодолимое беспокойство, казалось, что-то влекло его оттуда, точно где-то ждало его какое-то дело.

Но не образ Реции носился над ним, не он наполнял его душу, не он всюду преследовал его. Он был давно уже вытеснен из его сердца другими, более блестящими образами.

В то время как несчастная женщина приняла отчаянное решение умереть вместе со своим ребенком, сторож на железной дороге, Туссум, человек уже пожилой, вышел из своего маленького, стоящего близ рельсов домика, чтобы исполнить свою обязанность: перед приближением поезда осмотреть полотно железной дороги. Осмотр этот приходилось делать ему так часто, что мало-помалу он стал чисто механически обходить рельсы. Такие работы, часто повторяющиеся и которые, в сущности, вовсе нельзя назвать работой, в конце концов делаются весьма небрежно. Но Туссум и в эту ночь исполнил свою обязанность. Низко, над самой землей держа фонарь, обходил он полотно железной дороги, производя осмотр. Была холодная, темная, неприветливая ночь, и старый Туссум качал головой, отправляясь в путь. Все небо было подернуто облаками. Сквозь них не сияла ни одна звездочка. Туссум осмотрел свою полосу и хотел уже повернуть назад к дому, как вдруг близко за собой услышал рев локомотива. Он хотел отойти немного в сторону, так как ему хорошо было известно, что нельзя стоять близко к проходящему мимо поезду: ветром может втянуть неосторожного между колес.

В эту минуту шагах в пятидесяти ему показалась человеческая фигура. Туссум подумал, что ошибся, и хотел подойти поближе, но поезд с такой скоростью приближался к нему, что старик поневоле должен был отскочить от рельсов. Он побежал дальше, но не прошло и минуты, как с шумом мчавшийся локомотив догнал его. Тут он заметил, что какая-то женщина с ребенком бросилась на рельсы. Он закричал, но было уже слишком поздно. Шум поезда и рев локомотива заглушили его голос. Он хотел броситься к несчастным и оттащить их прочь с полотна – но было уже слишком поздно. Он сам бы неминуемо погиб, если бы в ту же минуту поспешил к Реции. Она уже бросилась на рельсы. Ужасная машина была совсем близко, для несчастной не было уже спасения.

Словно окаменев, Туссум не двигался с места. Глаза его были устремлены туда, где на рельсы бросилась Реция, он ясно видел еще ее белую одежду, резко выделявшуюся на темной земле, видел, как она еще раз простерла свою белую руку, как будто в последнюю минуту еще искала спасения и помощи, искала руки, которая бы вырвала ее и ребенка из когтей близкой смерти. Казалось, в последний момент ею овладело раскаяние. Но было уже поздно, все было кончено. Неподвижно стоял Туссум, угнетенный ужасным зрелищем, широко открыв глаза, пристально смотрел он на рельсы – фонарь выпал у него из рук. Поезд поравнялся с несчастными матерью и ребенком – вот он уже промчался через них... Они погибли...

Старый Туссум упал на колени, скрестил руки на груди и прошептал молитву. Такого ужаса он никогда еще не видывал. С отвращением, из крайности только поступил он сторожем на железную дорогу, эту дьявольскую машину, как называли ее сначала старые турки. Он и старая сестра его Харрем не имели больше никаких средств к жизни, а другого места он не нашел. Но в эту ужасную минуту, став свидетелем такого страшного происшествия, от которого все члены его тряслись, словно в лихорадке, он ощутил раскаяние, это было слишком ужасно! Он не смог спасти несчастную и ее невинное дитя!

Может быть, он даже подвергнется наказанию, сделав донесение о случившемся.

Поезд давным-давно уже умчался и, наверное, уже достиг отдаленного города, а Туссум все еще стоял на коленях на песке возле своего фонаря. Никто во всем поезде и не подозревал о случившемся. Один он, Туссум, знал это, один он был свидетелем ужасного происшествия. Но вот до ушей его долетел тихий крик ребенка. Туссум прислушался – он не ошибся, это был плач дитяти. Через минуту он стал громче. Туссум сейчас же подумал, что, может быть, бедный брошенный на рельсы ребенок избежал смерти, хотя и тяжело ранен. Собравшись с духом, он встал с колен, взял фонарь и по рельсам пошел к тому месту, где лежали Реция с сыном. Он думал найти изувеченный, окровавленный труп, но – удивительно! – хотя Реция и лежала словно мертвая между рельсами, так что вагоны наверняка прошли через нее и ребенка, но Аллах спас несчастных, первый удар лишил Рецию чувств, ребенок же остался невредим и громко плакал.

Туссум прежде всего осторожно отнес обоих с опасного места и положил на песок далеко от рельсов, так что теперь они были уже в безопасности, затем взял фонарь и по рельсам поспешил к своему довольно просторному сторожевому домику.

– Харрем! – крикнул он, толкнув ногой дверь, своей сестре, уже спавшей. – Харрем, поди-ка сюда! Случилось большое несчастье.

– Несчастье? – спросила сестра Туссума, она имела очень сострадательное сердце и прежде, когда еще была побогаче, охотно делилась всем, что имела, с каждым бедняком.

Туссум рассказал ей о несчастном приключении.

– Может быть, можно еще помочь им, – сказала Харрем. – Пойдем. Отведи меня туда.

– Ребенок жив, но женщина или девушка, кажется, погибла, – заметил Туссум, провожая сестру к тому месту, где лежала Реция с сыном. – Она не шевелится.

– О Аллах! – вскричала старая турчанка, набожно сложив руки, она была богобоязненна и добра.

– Клянусь нашим божественным пророком, это было зрелище, какого я век не забуду!

– Ты и теперь, Туссум, бледен, как мертвец...

– Я еще весь дрожу.

– Аллах велик, – сказала Харрем. – Если будет на то его святая воля, мы застанем в живых обоих.

– Мы отправим их в город.

– В город? Теперь, ночью, Туссум? Ни за что я не могу допустить этого. Их надо перенести в мою комнату.

– Но если она умерла?

– Вот они! Ты слышишь голос ребенка?

– Он кричит так жалобно! Бедная, несчастная женщина! – сказала сострадательная Харрем при виде бездыханной Реции, в отчаянии ломая руки. – Какую нужду и горе должна была испытать бедняжка, чтобы искать здесь смерти и бросить в ее страшные объятия невинного крошку. Мы с тобой, Туссум, бедны, но есть на свете люди еще беднее нас.

И добрая Харрем, в широком платье из светлой материи, с лицом, закрытым белым ячмаком, прежде всего подняла плачущего ребенка.

– Маленький мальчик! Возьми, поддержи его, Туссум, он цел и невредим, – сказала она.

Старик довольно неловко взял ребенка на руки, тот испугался и закричал еще громче. Харрем наклонилась над Рецией и прежде всего сдержала покрывало с ее лица.

– Она еще так молода и прекрасна, но так бледна и безжизненна, словно мертвая. Вот посмотри, – говорила добрая старушка, в это место должна она была получить страшный удар, отсюда, через головную косынку, течет кровь.

– Ну что, она умерла? – спросил Туссум.

– Кажется, что так.

– Послушай, дышит ли она еще?

Харрем нагнулась к Реции, приложилась губами к устам безжизненной девушки, чтобы почувствовать, есть ли у нее еще дыхание.

Ребенок кричал так громко, так сильно, что Туссуму совсем нельзя было разговаривать с сестрой. Он отнес его в сторону и положил на песок, а сам вернулся оказать помощь Реции.

– Она еще дышит, но очень слабо, – крикнула ему Харрем.

Теперь ребенок был довольно далеко и крик его не мешал их разговору.

– Что нам теперь с ней делать?

– Мы должны помочь ей, должны прежде всего отнести ее домой, – отвечала Харрем. – Задело, Туссум.

Старик исполнил желание сестры, и оба попробовали нести Рецию, но эта ноша оказалась не по силам престарелой Харрем. Туссум как можно тише и осторожнее взял безжизненную Рецию на руки и один отнес ее в свою хижину. Харрем несла ребенка и фонарь.

Сторожевой домик был жалкой, ветхой деревянной хижинкой, как и большинство домов в Константинополе, но зато состоял из нескольких комнат. Добрая Харрем прежде всего велела перенести Рецию, личность ей вовсе неизвестную, на свою постель, а чтобы успокоить ребенка, дала ему немного молока и уложила спать. Теперь она могла сосредоточить все свое внимание на несчастной больной. Освежила ей рану, обмыла кровь и позаботилась о том, чтобы Реции было покойно. Туссум предоставил все заботы своей сострадательной сестре, а сам лег спать.

Рана вскоре, по-видимому, начала заживать, но больная все еще не приходила в сознание: страх и возбужденное состояние, которые пришлось пережить бедной Реции, вызвали горячку. Много тяжелых дней и ночей принесла старой Харрем болезнь Реции. Целые недели пролежала больная в борьбе со смертью. Добрая старушка, кроме того, должна была еще заботиться и о ребенке, расцветавшем благодаря ее материнскому уходу.

Пришла весна. Казалось, что горячка хотела наконец покинуть Рецию. К больной вернулось сознание, рана зажила, но бедняжка была так слаба, что все еще надо было опасаться за ее жизнь. С удивительной самоотверженной любовью ухаживала за ней старая Харрем, употребляя все усилия для ее спасения. Отрывками, насколько позволяли силы больной, узнала она обстоятельства ее жизни и еще более привязалась к прелестной девушке. При своей бедности она не жалела ничего, тратила последний грош для подкрепления и восстановления упавших сил выздоравливающей больной. Больше всего помогло выздоровлению Реции то обстоятельство, что дитя ее было спасено, и она снова могла держать в объятиях своего любимца, свое единственное сокровище.

Так медленно подвигалось ее выздоровление. С наступлением лета она могла уже по целым часам оставлять хижину, утром и вечером гулять вблизи нее под тенью деревьев, вдыхая чудный, освежающий и подкрепляющий воздух. Харрем радовалась, что ей так хорошо удалось довершить дело спасения, на которое она употребила целые месяцы, и Реция чувствовала горячую благодарность к доброй, набожной старушке, сестре Туссума. Грустная улыбка сияла на бледном, но прекрасном лице Реции всякий раз, как Харрем говорила с ней и всячески старалась развлечь ее. Глубокая задумчивость лежала в ее взгляде и была разлита по всему прелестному лицу ее; длинные темные ресницы, осенявшие ее глаза, усиливали это выражение. Она была спасена, вырвана из когтей смерти и снова возвращена к жизни, горячо благодарила она свою спасительницу за все ее благодеяния. Она оказала ей помощь, спасла от неминуемой смерти и от греха сделаться самоубийцей и убийцей своего ребенка – она должна была жить, жить для своего сына. Часто в жаркие летние дни, по целым часам задумчиво глядя вдаль, она сидела под старыми тенистыми деревьями рядом с домиком. Деревья эти прилегали к стене, по-видимому, окружавшей какой-то парк или сад. Реция не знала, кому принадлежал этот сад, вблизи которого она охотно сживала, погруженная в свои мысли. Да она и не спрашивала об этом.

На незначительном расстоянии находился маленький летний дворец султана, называемый Цветочным павильоном, так как огромный сад, окружавший этот маленький невидимый дворец, представлял собой роскошный цветник, далеко разливавший благоухание. На заднем плане раскинулись большие вековые деревья, цветущие кустарники, жасминовые беседки и розовые аллеи, и истинное наслаждение было гулять там вечером. Султан Абдул-Азис подарил этот Цветочный павильон принцу Юсуфу, который всегда с удовольствием посещал его и очень любил гулять в его прелестном саду. Для принца произвели некоторые перемены в павильоне, расширили гаремные покои, выстроили конюшни, устроили бега и, по приказанию султана, сделали все, чтобы пребывание в Цветочном павильоне для принца было приятным.

Несколько недель тому назад принц Юсуф со всем своим штатом переселился в Цветочный павильон на все летние и осенние месяцы. Принц не имел уже более при себе своего друга, своего прежнего наставника и адъютанта: Гассан постоянно находился в свите султана, а Юсуф не мог уже более привязаться в такой степени к другому адъютанту. Чаще всего любил он быть в одиночестве и без свиты выезжать на прогулки верхом.

Однажды принц по обыкновению приказал оседлать свою любимую лошадь. Он сошел в переднюю часть сада, где слуги водили стройное, изящное животное, вскочил в седло и один выехал из сада; все давным-давно знали его обычай выезжать на прогулку без свиты. Да никто в это время и не узнал бы в нем принца. Он был в черном европейском костюме, красной феске, подобно тысячам знатных турок, да и сбруя его коня была нисколько не богаче, чем у любого банкира в Галате.

Вследствие своей замкнутости, необщительности и меланхоличности характера принц Юсуф не очень-то был любим своей свитой, да и в остальных кругах. Было странно и даже неприлично принцу вести себя таким образом, возбуждать так мало внимания и быть таким мечтателем, вместо того чтобы сыпать вокруг себя золото. Принц Юсуф, по-видимому, ни к чему не имел пристрастия. Даже красота женщин и та не восхищала его. Несколько недель тому назад, как мы уже знаем из одной предшествовавшей главы, он отослал прекрасную и умную дочь Гуссейна-Авни-паши назад к отцу, так как не чувствовал к ней любви. Сердце мечтательного Юсуфа все еще принадлежало той звезде его жизни, которую он только раз видел и с тех пор не мог уже позабыть.

Говорят, человек любит истинно только один раз в жизни, все остальное, принимаемое им за любовь, – неистинное, подогретое чувство. Принц все еще мечтал о Реции. Гулял ли он в часы уединения по аллеям сада, катался ли верхом, – всюду стоял у него перед глазами ее прекрасный образ. Он не видел больше Реции, тщетными оставались все его попытки отыскать

предмет страсти. Одно время он думал даже, что может любить другую и сделаться счастливым, потому-то он и взял в свой гарем дочь военного министра. Но то, что в первую минуту он счел любовью, было не более, как мимолетная вспышка страсти, которая угасла так же быстро, как и возникла. Что было ему теперь в Лейле, дочери Гуссейна? Он чувствовал, что не может сделать ее счастливой. Он не любил ее, он любил другую, которую не мог назвать своей, и любил ее так восторженно, так обожал ее, как солнце, как прекрасный цветок, как яркую звезду. Он не хотел, чтобы Лейла была несчастна, но осчастливить ее он был не в силах, и так, из доброго побуждения, вовсе не желая оскорблять чувства девушки, он отослал ее в дом отца.

В этот вечер, катаясь по полям, он всю дорогу думал о Реции и из головы его не выходил вопрос, придется ли ему еще когда-нибудь увидеть ее. На обратном пути, когда солнце уже склонялось к горизонту и тени приняла большие размеры, он случайно подъехал к той части стены, окружавшей его сад, по соседству с которой росли старые, тенистые деревья. Вдруг Юсуф заметил под их тенью медленно прогуливавшуюся молодую женщину. Казалось, она не слышала и не замечала его приближения, она откинула покрывало с лица, чтобы свободнее вдыхать свежий вечерний воздух. Это была Реция. Оставив спящего ребенка в хижине, словно гонимая какой-то невидимой силой, она снова вернулась под сень деревьев, чтобы насладиться чудным вечером. Тут-то и заметил ее Юсуф; радостное волнение охватило его при виде прекрасного, горячо любимого им существа. Он не ошибался, это была она, прелестная Реция! Он снова нашел ее, снова видел перед собой ее чудный образ. Он невольно остановил лошадь, боясь пошевелиться, чтобы не быть замеченным; Юсуф свободно мог любоваться прекрасной фигурой, прелестным, милым лицом своей возлюбленной.

Вдруг Реция заметила всадника и проворно накинула ячмак на лицо. Юсуф спрыгнул с лошади, не схватив ее повод; что было ему за дело, куда денется лошадь и что с ней станет. Он пустил ее, а сам поспешил к Реции. Какое счастье! Он снова нашел ее! Заметив, что она не узнала его, он не сказал, что давным-давно знает и любит ее, не сказал и кто он. Но он был с ней так вежлив, приветлив и деликатен, что расположил Рецию к себе. Она позволила ему идти рядом с собой и с удовольствием прислушивалась к его умному, увлекательному разговору. Да, она должна была сознаться себе, что этот знатный юноша обладал нежным, чувствительным сердцем.

Юсуф был счастлив, что нашел Рецию. Он спросил, где она живет, и молодая женщина чистосердечно и без замешательства отвечала ему. Тут она заметила, что лошадь его все удаляется. В ответ на это принц сказал, что она не убежит, но что он готов обойтись и без лошади, — он так рад, что наконец встретил ее. При этих словах молодая женщина покраснела под своим покрывалом. Немного погодя она объявила, что должна идти домой, и Юсуф не удерживал ее. Он простился, и они расстались.

Принц в счастливом настроении вернулся в павильон. Трудно было узнать в нем прежнего меланхолического, необщительного Юсуфа. К удивлению прислуги, он пришел пешком. Никто не смел спросить его о лошади. Через несколько часов конюхи поймали блуждающее по полю верное животное, отыскивающее своего хозяина. Прислуга не знала, чем объяснить этот странный случай, все заметили только, что принц был гораздо веселее и счастливее обыкновенного.

Реция не знала, что юноша, говоривший с ней, был принцем. Правда, ей казалось, что она уже раз видела его, но где — этого она не могла припомнить. Вернувшись домой, она долго еще думала о незнакомом, красивом, приветливом юноше. Когда она на следующий вечер снова пришла на свое любимое место, он был уже там. Теперь ей казалось, что она сделала нехорошо, снова придя на это место. Он же подошел к ней с нескрываемой радостью, подал ей руку в знак приветствия и предложил быть ее кавалером, уверяя, что это было бы для него высшим наслаждением, и что всю ночь и весь день он радовался возможности снова увидеть ее. Эти слова, вышедшие из глубины души Юсуфа, произвели удивительное действие на Рецию. Она

чувствовала, что юноша любит ее, что он всем своим чистым сердцем привязан к ней, может быть, она могла бы быть счастливой, ответив ему взаимностью... но она принадлежала другому, она была несвободна, она не могла принадлежать ему. Ее сердце, любовь – отданы были другому! Хотя Сади оставил и забыл ее, она все-таки желала оставаться верной ему до смерти. Она не могла отдать свою руку этому юноше, если бы даже он и желал осчастливить ее, она должна была остаться в нищете и бедности, должна была принести эту жертву своей любви.

На следующий вечер, снова встретив Рецию в тени деревьев, Юсуф опустился перед ней на колени, страстно схватил ее руку и признался в своей пламенной любви.

– Будь моей, Реция, – умолял он, – я люблю тебя, я не могу быть счастлив без тебя! Ты должна быть моей.

Хотя Реция и знала, что юношу зовут Юсуфом Изеддином, но ей неизвестно было, что это сын султана.

– Встань, – кротко сказала она, – не заставляй страдать себя и меня от таких слов, Юсуф. Не ищи моей взаимности, не требуй, чтобы я принадлежала тебе. Будь другом бедной Реции, которая не смеет нарушить своей клятвы. Я принадлежу другому, – тихо созналась она, – я не могу быть твоей.

– Ты принадлежишь другому? Еще и теперь?

– Вечно! Вечно!

При этих словах у принца так и упало сердце.

– Так ты не можешь любить меня? – тихо сказал он.

– Нет, я могу любить тебя, Юсуф, как друга, как брата, – отвечала Реция. – Такой же любовью должен и ты любить меня. Умоляю тебя сделать это. Не требуй от меня большего. Будем друзьями.

Просьба была так искренна, нежна и так мило произнесли ее уста Реции, что принц, увлеченный добротой и прелестью своей возлюбленной, схватил ее руку и осыпал поцелуями.

– Не отталкивай меня, Реция! – воскликнул он. – Я ведь ничего другого не желаю, как только иметь право любить тебя, прекраснейшая и очаровательнейшая из всех женщин.

И страстный юноша порывисто прижал руку Реции к своим устам.

Она дрожала, она чувствовала, что должна удалиться, должна бежать от Юсуфа, что она принадлежит Сади...

– Я твоя, мой Сади, твоя! – прошептала она, вырвалась от принца и убежала.

Юсуф смотрел ей вслед. Ему было и больно и вместе с тем хорошо на сердце. Он ничего больше не хотел, как только иметь право любить Рецию.

VI Сирра и палач

Вернемся теперь к Сирре, которую Будимир доставил на место казни перед деревянными воротами Скутари. Только небольшая кучка любопытных собралась перед страшным эшафотом, воздвигнутым палачом. Холодная, сырая, пасмурная погода, да еще то обстоятельство, что ни газеты, ни объявления не извещали о казни пророчицы, объясняли слабое участие, какое принимал народ в ужасном событии, которое должно было произойти после заката солнца.

Мансур-эфенди, до самого часа казни все еще бывший шейх-уль-исламом, своим обширным влиянием постарался избежать огласки, он не знал, какое еще действие произведет на массу казнь пророчицы. Очень легко могло случиться, что в подобном случае народ вступился бы за чудо, и на месте казни дело дошло бы до опасных выступлений. Мансур-эфенди имел обыкновение заранее обдумывать все и принял меры для предупреждения подобного неприятного случая.

Когда тюремная карета подъехала к помосту, на котором возвышалась виселица, Будимир прежде всего приказал своему помощнику продеть веревку сквозь массивное железное кольцо в передней перекладине. Между тем отряд кавасов³ оцепил помост. Только что Будимир попробовал, хорошо ли действует опускной клапан, как вдруг прискакал гонец от Мансура с приказанием поспешить с исполнением приговора, чтобы казнь продолжалась недолго и не возбуждала бы большого внимания.

На место казни прибыло уже несколько имамов, на которых возложена была обязанность перед казнью призывать преступников к покаянию и молитве. Не раз приходилось им исполнять эту обязанность – сотни, даже тысячи преступников в последнюю минуту жизни видели они, – но и они содрогнулись от ужаса при виде Сирры. Такого страшного, отвратительного существа они никогда еще не видывали. На Сирре была надета длинная, красная одежда приговоренных к смерти. В этом ужасном костюме она казалась еще страшнее, чем когда-либо. Казалось, это было не человеческое существо, не девушка – такого странного создания, по-видимому, не принадлежавшего ни к людям, ни к животным, имамы никогда еще не призывали к молитве.

Сирра проворно и ловко, словно кошка, влезла на помост; помощник палача снял с нее веревки, исключая одну, привязанную к ее руке. Подобно тому, как водят на цепи диких зверей, так и помощник палача на веревке ввел Сирру на помост. Небольшая кучка зрителей из народа с ужасом и отвращением смотрела на преступницу, на это страшное существо, влезавшее на помост. Они не знали, что это была пророчица, бывшее орудие шейх-уль-ислама.

Напрасно искала Сирра удобного случая вырваться из рук палача. Она была таким созданием, для которого ничего не стоило при случае обновить рубцы, покрывавшие лицо и шею Будимира. В бешенстве и отчаянии она была страшна, владея ужасной силой, и была готова на все, чтобы только освободиться или отомстить за себя. Но помощник палача был осторожен. Он оставил одну веревку на руке Сирры. В то время как он поднимался по ступеням помоста, рядом с ним взбиралась и она, будучи не в силах убежать. Слуга Будимира крепко держал ее.

Солнце, в виде огненного шара видневшееся из-за тумана и туч, уже склонялось к горизонту, через минуту оно должно было исчезнуть – а казни в Константинополе совершались всегда после заката. Когда Сирра подошла к столбам, образовавшим виселицу, слуга передал своему господину веревку, на которой держал Сирру, словно дикого зверя. К ней подошли имамы. Сирра потребовала, чтобы ее прежде всего освободили от позорной веревки. Один из

---

³ *Кавас* – лучник, жандарм в Турции. Кавасы обыкновенно приставляются к иностранным посольствам в Константинополе. – *Примеч. ред.*

имамов дал знак палачу исполнить желание преступницы, и вот последние оковы были сняты с Сирры. Она ощутила себя свободной, но Будимир и его помощник были так близко, что им стоило только протянуть руку, чтобы схватить ее.

Имамы призвали осужденную к молитве и показали ей место, где она должна была совершить ее. Сирра последовала приглашению и опустилась на колени; ей это было очень кстати: теперь она избавилась от неприятного соседства черкеса-палача. Минута, отведенная для молитвы, была последней в жизни преступника. И так уже слишком долго длилась вся эта церемония. Будимир думал о приказании шейх-уль-ислама. Казнь должна была совершиться сию же минуту. Однако он не смел помешать молитве. Приложив руку к груди для молитвы, Сирра занята была в это время изобретением средства к бегству и спасению. Она все еще не отказалась от мысли избежать виселицы, все еще не приготовилась к смерти. Неужели она должна была умереть безвинно, неужели Мансур должен был победить, он и грек – восторжествовать? Нет, этого не должно случиться! Даже в последнюю минуту она не отчаивалась. Единственное, что ее беспокоило, это длинная красная одежда. Если бы она на самом деле рискнула сделать попытку к бегству, эта длинная одежда должна была служить ей непреодолимым препятствием, а сбросить ее она не могла. Однако она должна была на что-нибудь решиться. Время, данное Сирре для молитвы, уже проходило – палачом овладело нетерпение. Через минуту, когда он схватит ее и набросит петлю на шею, будет уже поздно, тогда все будет кончено.

Не теряя ни минуты, Сирра внезапно вскочила. Прежде чем Будимир и слуга его могли схватить ее, своей единственной рукой быстро сорвала с себя красный балахон и, оставшись в своей обычной черной одежде, проворно и ловко, как кошка, спрыгнула с подмостков в середину отступивших от ужаса кавасов. Громкий крик раздался из толпы свидетелей этого неожиданного происшествия. Безобразное создание, на которое с тех пор, как оно явилось на подмостки, все смотрели с удивлением и отвращением, теперь внезапно приобрело в глазах зрителей истинно страшный, дьявольский облик: большинство из них расступилось с громким криком, точно сам дьявол очутился посреди толпы.

Но Будимир не мог так легко отказать от своей жертвы. Вместе с помощником он бросился в погоню за осужденной, в то время как кавасы разбежались с диким криком и все свидетели этой страшной дикой погони в ужасе расступились.

Как перед Сатаной, отступали все перед Сиррой, когда она сделала попытку укрыться в толпе от преследования Будимира. Несмотря на свою ловкость и проворство, она ошиблась в расчете: число зрителей было так незначительно, да и те, которые были, так испуганно отступали перед ней, что она тщетно пыталась найти в толпе защиту и спасение. Она бросалась туда и сюда, преследуемая палачом и его слугой, но все было напрасно. Недолго продолжалась эта погоня и кончилась неудачно для Сирры, которая опять очутилась в руках палача. Будимир снова втащил свою жертву на помост. Хитрой Сирре вторично чуть было не удалось убежать от него – в третий раз этого не должно было случиться. Со свойственной ему уверенностью и искусством он накинул ей петлю на шею, в то время как она стояла на опускном клапане – через минуту Сирра, вися на веревке, качалась бы в воздухе...

Но вот по дороге с другой стороны ворот показался мчавшийся во весь опор всадник, издали махавший белым платком. Палач, глаза которого от бешенства и напряжения во время погони за преступницей налились кровью, не видел всадника, но имамы закричали ему, чтобы он остановил казнь.

Уже нога Будимира была на засове, руки Сирры были уже завязаны на спине и петля накинута ей на шею. В эту минуту всадник подъехал к помосту. Это был Гассан, адъютант султана.

– Именем могущественного султана, остановись! – закричал он. – Осужденная помилована! Именем его величества, она должна остаться в живых!

Слова эти подействовали. Во всаднике, проворно соскочившем с коня, палач сразу узнал адъютанта султана. Сирра поняла, что она спасена. Петля уже так крепко стягивала ей шею, что она через секунды ждала ужасную смерть на виселице, и теперь, в последнюю минуту, вдруг подоспела помощь!

Будимир выпустил из рук веревку. Гассан подал ему приказ султана.

– Я пришел не слишком поздно! Осужденная невиновна в убийстве! – воскликнул Гассан и затем приказал кавасам подать карету.

Палач был лишен своей жертвы. Изумленные имамы тихонько перешептывались между собой. Сирра же, как только сняли с нее петлю, дрожа опустилась на колени.

Все зрители, мужчины и женщины, были крайне удивлены тем, что осужденная в последнюю минуту была помилована, этого никогда еще не бывало! Все говорили о безобразной фигуре Сирры, о поводе к ее осуждению. В это время Гассан приказал освобожденной девушке сесть в карету и, велев кучеру ехать в Беглербег, сам вскочил на лошадь и последовал за повозкой. Любопытные разбрелись, не увидев ожидаемой казни. Правда, они достаточно надивились приготовлениям к ней, самого же зрелища им увидеть так и не удалось.

Имамы поспешили в конак шейх-уль-ислама донести ему о случившемся, но не застали дома Мансура-эфенди.

Палач был в крайнем негодовании: хотя он и должен был получить такую же плату за казнь, как если бы Сирра действительно была повешена, однако он был сильно раздражен тем, что у него похитили жертву в последнюю минуту, когда им овладела уже жажда крови. Когда кавасы и любопытные разошлись, он все еще оставался вместе с работником на помосте. В слепом бешенстве он начал рубить столбы виселицы и ломать доски. Глухие удары топора доносились до ближайших улиц Скутари, между тем как вечер быстро покрыл своей мглой город и место казни.

В это время карета, в которой сидела избавленная от ужасной смерти Сирра, доехала до Беглербега. Здесь у больших ворот Гассан приказал спасенной им девушке подождать немного, пока он вернется. После этого он отправился в покои султана и доложил ему, что пророчица еще не казнена, а ждет внизу, чтобы выступить свидетельницей против Мансура и раскрыть его преступления.

– Я не желаю более ни видеть, ни выслушивать ее! – воскликнул Абдул-Азис. – Она должна радоваться, что избежала смерти, а в доказательствах вины шейх-уль-ислама мы более не нуждаемся, после того как он сегодня вечером отстранен от должности. Я желаю, чтобы Феми-эфенди занял его место, и приказываю, чтобы он от моего имени передал бывшему шейх-уль-исламу: пусть он радуется, что сильнее не почувствовал моей немилости. Тебе же обязаны мы благодарностью за твои неусыпные старания обнаружить истину и обличить виновных, тебе и Сади-паше! Мы желаем дать тебе явное доказательство нашей благосклонности и с этого дня жалуем тебя великим шейхом нашего двора. Ты знаешь, сан этот равносителен званию визиря.

Гассан преклонил колено перед султаном и благодарил его за эту необыкновенную милость. Место или, вернее, титул великого шейха при Константинопольском дворе давно уже было вакантным. Последним владельцем его был принц. Теперь же Гассан, как любимец султана, носил этот титул, дававший ему право не только по-прежнему быть всегда в свите султана, но и занять одну из высших должностей, с которой сопряжены были огромные доходы.

Когда через несколько дней после этого великий визирь занемог так опасно, что едва ли можно было надеяться на его выздоровление, то хотя Гуссейн-Авни-паша и заменил его в совете министров, но большинство его дел и докладов султану принял на себя Сади-паша. Абдул-Азису он был симпатичнее других, к тому же он пользовался полным доверием Махмуда-паши и более всех был посвящен в его дела.

Гуссейн-Авни-паша и его сослуживцы с досадой смотрели на нового молодого советника султана как на человека, казавшегося им опасным. Сади возвышался слишком быстро. Они начали бдительно наблюдать за ним. Хотя он еще и не мог вытеснить их, но все-таки повышение его было такого рода, что начинало сильно тревожить их, тем более что в свите султана был уже один важный придворный сановник, которого они боялись: им слишком хорошо была известна преданность его тому, кому он был обязан всем. От Махмуда-паши они уже избавились; хотя он еще не умер, но болезнь его была такого рода, что он был пока устранен. Теперь им угрожала новая опасность в лице Сади и Гассана. В обществе визирей возникали уже мысли и планы, преследовавшие неслыханную цель – свержение с престола султана Абдул-Азиса, который не расположен был служить их целям и хотел возвести на престол своего сына Юсуфа и отменить старые законы о престолонаследии. Но об этих планах пока еще умалчивали: они возникали только в головах отдельных лиц.

Хотя великий визирь Махмуд-паша и не умер скоропостижно от яда, поднесенного ему греком Лаццаро в письме, однако заболел таким сильным воспалением, что в течение нескольких недель жизнь его была в опасности. Даже когда непосредственная угроза его жизни была устранена, состояние его здоровья было еще настолько тяжелым, что доктора предписали ему немедленный отъезд из Константинополя. Махмуд-паша должен был в сопровождении семьи отправиться куда-нибудь подальше, в расположенное высоко над морем место, и там попытаться восстановить свое расстроенное здоровье. О занятии прежней, крайне ответственной должности пока нечего было и думать.

Когда Гассан через одного из слуг объявил ожидавшей его внизу в карете Сирре, что она свободна и может идти куда угодно, она тотчас же вылезла из кареты, а слуга вручил кучеру деньги за эту поездку. Итак, Сирра счастливо избежала всех опасностей, вырвалась из рук низвергнутого ею Мансура – но куда было ей теперь идти? Прежде всего ей хотелось отыскать Рецию. С этой целью она отправилась в дом убитой и уже похороненной Ганифы, но нашла дом пустым. Наступила ночь. Побродив безуспешно по улицам Скутари, она велела перевезти себя в Галату. Казалось, что-то тянуло ее к жалкому, старому, грязному домишке ее бесчеловечной матери Кадиджи, от которой она никогда не видела ничего, кроме оскорблений и мучений.

Чудно создано человеческое сердце! Вечно стремится оно вернуться под родительский кров, будь это даже бедная, жалкая хижина, и хотя бы ты там ничего не видел, кроме горя и лишений. Что за таинственная сила влечет нас под родительский кров? Есть ли хоть один человек на свете, который бы не стремился к нему, а в старости с отрадой не вспоминал о нем?

Итак, Сирра прокралась к жалкому, грязному, деревянному домишке, где жила ее мать – Кадиджа. Дверь была заперта. Над подъездом, как почти во всяком доме, находился маленький балкон. Со свойственным ей проворством Сирра взобралась на него и через отверстие в стене пролезла на чердак, где старая Кадиджа хранила разный ненужный хлам и куда она никогда не ходила. Тут Сирра расположилась на ночлег и здесь намерена была жить, подобно летучей мыши или сове, которые ищут себе убежища в заброшенных, необитаемых местах, где они защищены от людского преследования.

VII

Салон леди Страдфорд

Густой, серый туман расстилался над лабиринтом улиц Лондона. Сквозь это покрывало не было видно ничего, кроме бесчисленного множества мерцающих огоньков уличных фонарей. Экипажи должны были двигаться довольно медленно, зато на тротуарах пешеходы передвигались с деловитой быстротой.

В аристократическом квартале Лондона, известном под именем Вест-энд, под вечер тоже господствовало сильное оживление, но пешеходов здесь было немного, разве только лакеи да повара. Зато все улицы были переполнены экипажами, отвозившими гостей знатных лордов или их самих в роскошные отели.

По Риджент-стрит, одной из лучших улиц Лондона, шел в этот туманный вечер молодой иностранный офицер. Он был в турецкой форме: серой военной шинели и фуражке. По-видимому, он искал номер дома. Навстречу ему попался лакей в желтой ливрее.

– Одно слово, – обратился к нему иностранец на чистом английском языке, – как близко отсюда отель леди Страдфорд?

Лакей пристальным взглядом окинул молодого иностранного офицера.

– Недалеко, милорд, – отвечал он вслед за тем. – На этой стороне, сразу же за Кондуит-стрит.

Молодой турецкий офицер поблагодарил его и пошел дальше. Завернув за угол названной улицы, выходящей на Риджент-стрит, он увидел впереди себя одетую в черное даму, которая переходила через грязное, сырое и скользкое шоссе. В ту же минуту несколько кабриолетов промчались по улице, направляясь к Риджент-стрит. Даме грозила опасность быть раздавленной.

Молодой офицер увидел, что лошади одной кареты чуть было уже не сбили ее с ног, и счел долгом спасти даму. Схватить ее и поставить на тротуар было для него делом одной секунды.

– Прошу извинения, миледи, – сказал он, когда дама была уже в безопасности. – Еще секунда, и вы были бы смяты лошадьми.

Дама под густой черной вуалью, пораженная бесцеремонностью незнакомца, смирла его гневным взглядом и хотела уже высказать ему свое негодование, но внезапно изменила тон, как только узнала настоящую причину такого поступка иностранца и увидела, что обязана ему спасением. По всей фигуре и обращению дамы молодой офицер сразу понял, что она принадлежит к высшему кругу.

– Если так, то к чему извинения, милорд, – сказала она. – Я не имею никакого повода сердиться на вас, напротив того, должна быть благодарна вам за оказанную услугу.

Очевидно, что-нибудь особенное заставило эту даму отправиться в такое позднее время одну, да еще пешком и под такой густой вуалью, чтобы не быть узнанной. Молодой турецкий офицер был, по-видимому, этим заинтересован. Дама в свою очередь была удивлена, встретив в этот час на Риджент-стрит турецкого офицера не в экипаже, а пешком.

– Я, кажется, угадываю ваши мысли, миледи, – сказал молодой офицер, продолжая идти рядом с таинственной незнакомкой. – Вас удивляет то, что я отправляюсь в один из отелей этой улицы не в экипаже, а пешком.

– Еще более дивлюсь я тому, что вы, иностранец, так превосходно говорите по-английски, – прервала его дама. – Вы уроженец Востока?

– Точно так, миледи, я собираюсь нанести визит леди Страдфорд, отель которой должен быть здесь поблизости, – откровенно признался молодой офицер.

При этих словах дама чуть заметно вздрогнула, искоса взглянув на своего юного простодушного спутника. По-видимому, он принадлежал к иностранным дипломатам, но, казалось, мало еще освоился с их тонкостями. Но дама под черной вуалью жестоко ошибалась. Эта поверхностная простодушная откровенность скрывала за собой глубокий расчет и действительно имела быстрый и блестящий успех.

– Леди Страдфорд? – спросила она. – Вы ее знаете?

– Точно так, миледи. Год тому назад я имел честь быть представленным леди Страдфорд в Константинополе.

– Так она была и на Босфоре? – спросила дама, сопровождая свои слова язвительной улыбкой.

– Точно так, миледи. Но смею спросить, что значит это и с таким ударением произнесенное вами?

– То, что леди Страдфорд по разным тайным делам была уже в Париже, Мадриде и Риме.

– Я слышал, что леди служит дипломатии.

– Дипломатии, вот как! – сказала она, и в тоне ее голоса слышалось сильное раздражение. – Другие, – продолжала она, – напротив, утверждают, что леди просто авантюристка, цель которой составляют одни интриги.

– Это слишком суровый приговор, миледи.

– Ах, не говорите этого! – почти с гневом прервала дама своего спутника. – Такой авантюристке ни один приговор не может быть назван суровым. Эта леди Страдфорд – одна из тех темных личностей, о которых никто не знает ничего настоящего. Верно только то, что в Париже поведением своим она вызвала разные сплетни, наделавшие много шума, и что она в разводе с мужем.

– Так леди замужем?

– Разумеется. Разве вы этого не знаете? – отвечала таинственная незнакомка. – Впрочем, в ее духе оставлять всех в недоумении относительно своих семейных отношений, это ее метод.

Казалось, теперь только разговор приобрел интерес в глазах молодого офицера. После этих слов он решил, что дама под черной вуалью, должно быть, соперница Сары Страдфорд.

– Известие, что леди Страдфорд замужем, действительно застало меня врасплох, – сказал он.

– Замужем ли леди Страдфорд, я не знаю, говорят только, что муж ее капитан или адмирал сэр Страдфорд.

– Адмирал?

– С адмиралом ли или с капитаном она в разводе, не знаю, слышала только, что совсем недавно она вернулась в Лондон из дальнего путешествия. Это вас удивляет, милорд? – сказала, смеясь, дама под вуалью. – Да, да, о, если бы только поклонники этой авантюристки знали, как их оплетают ложью и как предмет их обожания обманывает своего супруга!

– Кто же эти поклонники, миледи?

– Какая нужда мне знать и называть всех их, милорд. Говорят даже, что к числу их принадлежит и герцог Норфолк, так говорят, а правда ли это, я еще не знаю.

– Герцог Норфолк! Советник первого министра? – спросил изумленный турецкий офицер.

– Он самый. Видите там экипаж? – вдруг воскликнула дама, указывая на изящную карету, куда только что сел господин, вышедший из роскошного, как дворец, дома леди Страдфорд. – Это герцог. Это действительно он.

Молодой офицер хотел задать еще один вопрос своей незнакомке, но она, не сказав ни слова больше, скрылась уже в тумане, расстилавшемся над Лондоном. Появление герцога Норфолка, которого она, казалось, ожидала, внезапно прогнало ее. Она поспешно удалилась. По всей вероятности, она была или отвергнутой возлюбленной герцога или вообще соперницей

прекрасной Сары Страдфорд – так решил молодой турецкий офицер и, подойдя к дому знакомой англичанки, нажал на пуговку звонка.

Мигот отворилась дверь, и молодой человек вошел в теплое, хорошо освещенное помещение, представляющее собой просторную, устланную коврами галерею.

Навстречу ему вышел швейцар в ливрее.

– Нельзя ли доложить обо мне леди Страдфорд? – обратился к нему молодой офицер.

Дворецкий позвонил, и через несколько секунд на ступенях лестницы появился лакей, которому швейцар поручил иностранца.

В это время Сара Страдфорд стояла в своем будуаре, куда она только что вернулась после отъезда герцога Норфолка, который привез ей роскошный букет для оперы. Сара держала еще в руках душистый букет из редких, дорогих цветов: задумчиво смотрела она на цветы и в рассеянности ошипывала лепестки, на лице ее играла улыбка. Немного погодя, положив букет на мраморный столик, она подошла к зеркалу – убедиться, способна ли была ее наружность очаровать герцога. Казалось, она осталась довольна осмотром. Сара должна была сознаться, что все еще была красавицей, способной пленять мужчин, а ее изящный, эффектный туалет еще более увеличивал ее очарование.

Но вот в будуар вошла ее субретка и доложила своей госпоже, что в приемной ее ждет иностранный офицер, желающий засвидетельствовать ей свое почтение.

– Кто это такой? – спросила Сара, быстро оживляясь. Субретка на серебряном подносе подала ей визитную карточку.

– Зора-бей, военный атташе при турецком посольстве, – прочла Сара. Радость сверкнула в ее глазах, это известие, имя, казалось, наэлектризовали ее, в эту минуту она была сама жизнь, огонь.

– Пусть проводят благородного бея в желтый салон, – приказала она и после ухода горничной еще раз с радостной улыбкой взглянула на визитную карточку. – Это он! Он приехал! – шептала она в сильном волнении. – Наконец-то, наконец-то!

Похоже, Сара давно уже ждала молодого дипломата и тосковала о нем. Она, попасть в салон которой было большой честью, она, ежедневно торжествовавшая новые победы и состоявшая в союзе с большинством дворов, она, расположения которой добивались самые высокопоставленные лица Лондона, с трепетной радостью встретила приход этого молодого турецкого бея! Между тем как она принимала у себя других и для каждого находила приветливое слово, пользуясь ими для своих целей, настоящее расположение ее всецело принадлежало юному дипломату, только что начинавшему свою карьеру, которому в Лондоне предстояло впервые отличиться на этом поприще.

С высоко вздымавшейся грудью, сгорая небывалым нетерпением, с сияющим лицом спешила она через анфиладу роскошно меблированных комнат в желтый круглый салон. Стены салона были обиты золотисто-желтым штофом, потолок был украшен чудесной картиной, сделанной искусной рукой художника и изображавшей похищение сабинянок. Освещение этого салона было чудом искусства и производило удивительное впечатление. В стенах были окошечки с матовыми стеклами, разливавшими мягкий, нежный свет. Меблировка представляла смесь восточной роскоши с европейской утонченностью. У круглой стены помещались диваны, обитые дорогим, затканым цветами атласом. Посреди салона стояла огромная жардиньерка с тропическими широколиственными растениями и редкими душистыми цветами. У входа, словно на карауле, стояли два амура из белого мрамора, поддерживая большие вазы с цветами. Там и здесь стояли золоченые столики с шахматами, альбомами и разными безделушками. Пол был устлан дорогим вышитым ковром.

При входе Сары в желтый салон, Зора-бей пошел к ней навстречу в полном восторге от ее появления.

– Наконец-то я опять вижу вас, миледи, – сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать руку прелестной женщины.

– Вы сдержали свое слово, сэра, вы явились сюда, вступили на дипломатическое поприще.

– Я у королевы дипломатов, – тихо отвечал Зора-бей, упиваясь восхитительной, многообещающей улыбкой прекрасной англичанки.

– Милости просим, сэра, – сказала Сара, любезно приглашая гостя сесть рядом с ней, – я очень рада видеть вас. Теперь вы должны мне рассказать о Стамбуле, о том, что было с вами в этот промежуток времени.

Зора-бей последовал ее приглашению и рассказал о позднейших событиях в Турции, о своих личных приключениях, об угрожавших ему опасностях и о своем назначении. Сара принимала такое искреннее участие во всем, что разговор с каждой минутой становился все живее и увлекательнее. Так быстро и радостно прошел первый визит.

Зора рано распростился, он слышал, что леди Страдфорд надо ехать куда-то на вечер или в театр и, должно быть, не ошибся, так как Сара не удерживала его. Она пригласила его на следующий вечер, объяснив, что завтра надеется быть свободной. Зора с удовольствием принял приглашение, какая-то непреодолимая сила влекла его к интересной, хоть и кокетливой англичанке.

На другой день Сара в восхитительном туалете приняла своего гостя, и Зора должен был сознаться, что никогда еще не видел ее такой прекрасной, как в этот вечер. Она провела его в маленький кабинет, меблированный черным деревом, где стоял ее большой письменный стол. Комната освещалась маленькой люстрой с тонкими матовыми колпаками. Черная мебель и темно-зеленая обивка стульев и диванов создавали в комнате чудный полумрак.

Зора рассказал своей покровительнице об успехе его первых визитов у влиятельнейших лиц лондонской дипломатии.

– Затем я был у герцога Норфолка, – продолжал он и при этом имени пристально посмотрел на Сару.

– Вот как, – улыбаясь, сказала она, – так вы были у герцога.

– Не он ли правая рука первого министра? Не от него ли зависит все, мой дорогой друг? – спросил Зора. – Вы знакомы с герцогом?

– Так себе, отчасти.

– Он кажется немного угрюмым и необщительным.

– Он дипломат, мой благородный бей, – снова сказала, улыбаясь, Сара.

– Потом я был во французском посольстве.

– У маркиза Витель?

– Не забывайте, что и он принадлежит к числу важнейших для меня лиц.

– И он принял вас любезно, не правда ли?

– По его обращению можно было подумать, что я ему уже известен, однако этого быть не могло, – продолжал Зора-бей, с улыбкой взглянув на Сару. – Он казался моим покровителем.

– Вы не ошиблись, Зора, я недавно говорила ему о вас в одном обществе. Вы не сердитесь на меня за это?

– Так вы знакомы и с маркизом? Значит, я не ошибся, миледи, предполагая, что у вас обширный круг знакомств и множество поклонников, – сказал Зора-бей. – К ним принадлежат и маркиз, и герцог, и министр.

– Да, мой дорогой друг, все, все! – улыбаясь, согласилась Сара. – Вы называете их моими поклонниками, хорошо. Пусть так, вы зовете их обожателями леди Страдфорд, но прибавьте: для достижения ею определенных целей.

– Так, значит, и я служу тем же целям, миледи?

Взгляд, полный упрека, был ему ответом.

– Я до сих пор еще не знала, что вы умеете так оскорблять, – сказала она глухим голосом.

– Если я обидел вас, то простите меня, Сара, – с чувством произнес молодой бей, – простите мне и вопрос, который я должен предложить вам.

– Говорите, – отвечала Сара.

– Вы замужем?

Сара слегка вздрогнула, казалось, она не ожидала этого вопроса, однако он был сделан вполне естественно и должен был дать ей понять, что Зора любит ее. Прежде всего он хотел получить ответ на этот вопрос. Он должен был знать во что бы то ни стало, была ли Сара свободна.

– Меня оклеветали перед вами, – после короткой паузы тихим, дрожащим голосом сказала она, – ваш вопрос убеждает меня в этом. Но я отчасти сама заслужила этот удар.

– Так это правда, Сара? Отвечайте мне! Так вы уже замужем?

– Нет, сэр, – коротко и гордо отвечала леди Страдфорд. – Все, что вам об этом наговорили, – ложь! Но довольно. Вы получили от меня объяснение, не спрашивайте более.

– Так это тайна, Сара?

– Пока еще – да. Позже вы все узнаете.

– Однако вы или другие ожидают адмирала Страдфорда?

– Я просила вас, Зора, не спрашивать больше, от вашей чести я требую на этот раз исполнить мою просьбу, – гордо и энергично перебила его Сара. – Я знаю, – продолжала она, – что вам и одному вам я обязана дать объяснение. Не дождавшись, пока я сама открою вам все, вы теперь уже коснулись этого пункта, не знаю, почему мне так трудно именно вам говорить об этом. Пока вы знаете довольно, впоследствии, повторяю, вы узнаете все.

– Не считайте меня недостойным вашего доверия, Сара. Я спрашиваю не из пустого любопытства, этого неудержимо требует мое сердце.

– Мне отрадно слышать такие речи, – задыхаясь, прошептала леди Страдфорд.

Была ли это комедия? Или в ней заговорила глубоко прочувствованная правда? Казалось, она была сильно взволнована. Зора схватил ее руку: она была холодной, влажной и дрожала.

По-видимому, он коснулся глубокой, тяжелой тайны, скрывавшей прошлое этой женщины.

– Простите меня, Сара, – кротко и нежно сказал он, заключая в свои объятия дрожащую леди, как будто желая утешить и защитить ее. – Часто смертельно оскорбляют другого по одной обманчивой внешности, необдуманно произнося ему приговор или веря разным нелепым слухам. Я не буду больше беспокоить вас своими расспросами. Вы сами, не ожидая моего вопроса, должны открыть мне все, когда придет время.

– Благодарю вас, Зора, за это обещание и за доверие. Поверьте мне, вы не будете обмануты. Если я только увижу, что не стою больше вашего внимания, что я слишком низко пала, что недостойна вашего участия, тогда... Но довольно! – перебила она себя, внезапно оправляясь от своей минутной слабости и быстро вскакивая с места. – Прочь все эти мысли и воспоминания! – решительно вскрикнула она. – Прочь все беспокойства и сомнения! Вы у меня, Зора, я рада, что снова вижу вас. Вы сдержали свое слово. Если бы даже я еще хотела сомневаться в серьезности и искренности вашего чувства, то ваше присутствие здесь – лучшее доказательство этому. Как должна я благодарить вас за то, что вы первый в жизни оказали мне такое уважение?

– Как первый, Сара?

– Да, первый. Вы хотите намекнуть мне на моих обожателей, как вы их назвали, – чем могут быть они мне, Зора? Или вы думаете, я не вижу их замыслы и льстивые речи? Подобного уважения они не могут мне оказать, друг мой. Но мы добрались до серьезных вещей, от которых отвязаться не так-то легко, разве только силой отогнав их, как мрачные привидения, как летучих мышей, беспокоящих нас. Будем говорить о другом, Зора.

Тут мрачная серьезность внезапно исчезла с лица прекрасной леди, и она снова стала прежней тонко улыбающейся дамой большого света, умеющей так мило и остро шутить, прежней веселой и любезной собеседницей.

Поздно ночью ушел от нее Зора, да и то скрепя сердце. Он должен был сознаться, что Сара была удивительным существом, что под дипломатической улыбкой ее и кажущимся ледяным спокойствием и строгой обдуманностью скрывалось нечто такое, чего не подозревал за ней никто: тайная скорбь, снедавшая ее сердце, которой она не смела коснуться.

Что скрывалось в ее тревожном прошлом? Каковы были ее отношения с ее многочисленными обожателями высшего круга? Не имел ли Зора полное основание быть осторожным? В душе его происходила борьба... но любовь одержала верх. И если бы даже любовь к этой прекрасной, живущей двойной жизнью леди влекла его к гибели, все же он не мог бы поступить иначе, Сара приворожила его. Какая-то волшебная сила влекла его к ней. К тому же она была не только прекрасной, умной, богато одаренной натурой, но, вместе с тем, и опытной, сведущей дипломаткой. Незаметно для Зора в минуту сомнения она помогала ему своим советом и знакомством: благодаря ей он скоро стал любим и уважаем во всех высших кругах лондонского общества как тонкий, ловкий дипломат.

Так прошло несколько месяцев. Однажды, вернувшись из гостей, Зора узнал от своего лакея, что в его отсутствие спрашивал его какой-то незнакомый господин. Зора спросил его имя, но слуга не мог удовлетворить его любопытство. Незнакомец не хотел назвать себя и сказал, что придет на другой день.

С нетерпением ждал Зора таинственного гостя и на другой день остался дома, чтобы опять не прозевать незнакомца. В назначенный час слуга вошел в комнату и доложил о приходе гостя. Зора приказал ввести его. Через минуту дверь отворилась, и на пороге показался таинственный незнакомец.

Трудно описать удивление Зора. В одно мгновение оно уступило место шумной радости.

– Сади-паша! Мой старый, верный друг! – воскликнул он и с раскрытыми объятиями поспешил ему навстречу. – Ты здесь, в Лондоне?

Это был действительно Сади, в европейском костюме. Его стройная фигура, твердая, уверенная поступь, изящные манеры – все обличало в нем придворного, а его искренность и радушие выдавали в нем прежнего Сади.

– Да, друг мой Зора, тебя действительно посетил Сади, который инкогнито в Лондоне, – отвечал он, усаживаясь в кресло.

– Вот так приятный сюрприз! – вскричал Зора. – Какое неожиданное свидание!

И оба верных старых друга сообщили друг другу все, что было пережито ими в это последнее время. Зора рассказал, как он через Вену и Кельн счастливо добрался до Лондона и как тогдашний поединок его с изменником Магометом остался без всяких важных последствий, что Сади и сам уже знал. Затем он описал свои первые опыты на дипломатическом поприще и очень удивился тому, что Сади знал все посланные им в Стамбул рапорты и письма.

– Ты должен узнать причину этого, – улыбаясь, сказал Сади. – Последнее время я находился в свите Махмуда-паши и пользовался его доверием, так что все важные депеши проходили через мои руки.

– Говорят, великий визирь внезапно захворал?

– Да, от яда, неизвестно каким образом ему поднесенного, врачи с трудом могли спасти ему жизнь, и он давным-давно уже уехал из Стамбула.

– А кто его преемник? – спросил Зора.

– Пока еще не назначен, только по моем возвращении отсюда решится это.

– Уж не сбывается ли мое предчувствие? – вскричал Зора, вопросительно посмотрев на своего друга. – Не твоей ли голове предназначается эта честь?

– Нет, Зора, не думаю. По этому поводу султан не высказал еще ничего определенного. Тебе хочется знать, что привело меня сюда, я это вижу. И так как в моем тайном поручении ты должен помогать мне и делом и советом, то я намерен прежде всего посвятить тебя в эту тайну.

– Итак, ты здесь инкогнито?

– Как приезжий путешествующий паша, а не чрезвычайный посол султана. Ты знаешь, что вассальные государства поднимаются и это может иметь важные последствия, которых теперь никто и не предвидит. При дворе узнали, что недавно французским посланником отправлена в Англию к первому министру депеша, в которой сообщается решение Франции относительно Турции. Поэтому очень важно достать эту бумагу или, по крайней мере, копию с нее. Это и есть цель моей поездки. Я хочу попытаться узнать от министров содержание этого документа.

– Я боюсь, чтобы тебе не пришлось удовольствоваться одними обещаниями, друг мой.

– Как это случилось со мной в Париже? Мне было невозможно что-нибудь сделать. Я узнал только, что бумага была помечена номером семьсот тринадцать.

– Семьсот тринадцать! – вскричал с улыбкой Зора. – Какое ужасное совпадение! Подумай только, ведь семь и тринадцать самые несчастливые цифры.

– Но, может быть, для нас они будут благоприятны.

– Ты ничего не узнаешь от министров, Сади, это государственная тайна. Но если ты не откажешься от помощи, которую предлагает тебе друг твой Зора, то он употребит все усилия, чтобы помочь тебе достичь твоей цели.

– Какие же средства есть у тебя для этого?

– Я могу сделать все тайными путями и средствами.

– Мне более нравится действовать открыто и прямо.

– Я это знаю, но теперь это может только повредить, Сади. Не заботься об интригах, которые неизбежно связаны с дипломатией, я беру на себя возможность достать бумагу номер семьсот тринадцать или копию с нее.

– Копию, да, это было бы лучше всего.

– Как долго думаешь ты остаться в Лондоне?

– Пока не исполню данного мне поручения. И мне надо спешить, так как долг призывает меня в Стамбул.

– Дело с этой бумагой, должно быть, будет интересным и притом именно в таком роде, как я люблю. Кроме того, у меня еще есть здесь союзница, которая будет в этом очень полезна. Ты хочешь, может быть, остаться неизвестным?

– Да, я хотел бы прожить здесь как можно тише и незаметнее.

– Хорошо, друг мой. Мы примемся за дело и попытаемся достать тебе копию, а пока останься у меня, и мы поговорим о прошлом и о том, что нам еще предстоит.

Дружеская беседа Зора и Сади продолжалась далеко за полночь.

VIII

Крест и полумесяц

Отряд обоих инсургентских вождей, ведший с собой старого заклинателя змей, проходил ночью через редкий лес, чтобы ранним утром напасть на стоящие за лесом лагерем турецкие войска. Только несколько миль разделяли врагов. Этот отряд был просто пестрой, плохо вооруженной толпой, но во многих местах образовывались уже правильно организованные отряды и восстание все более и более усиливалось. Народ, терпевший до сих пор иго турок, поднимался и готов был скорее умереть, чем переносить долее угнетение. Несмотря на бесчисленные обещания улучшить участь христиан и дать им одинаковые права с мусульманами, турецкое правительство и не думало делать что-либо для гяуров; несчастные терпели угнетение более чем когда-либо. Более чем когда-либо мусульмане давали почувствовать христианам свое превосходство над ними. Неудивительно поэтому, что восстание все более и более разгоралось, и один за другим поднимались угнетенные племена, доведенные до отчаяния притеснениями. С гор и равнин, отовсюду собирались люди в отряды инсургентов, каждый знал жестокость и зверство турок, каждый знал, что угрожает ему, если победа будет на стороне войск султана...

Тихо приближался отряд инсургентов к турецкому лагерю. Тогда старый заклинатель, которого вели связанным двое боснийцев, потребовал, чтобы его привели к предводителю отряда. Один из вождей инсургентов тотчас же подошел к старику.

– Ты считаешь меня шпионом, – сказал тихим голосом Абунец. – Я не сержусь на тебя за это, хотя я доказал уже тебе, что шпион был не я, а Алабасса.

– Ты турок.

– Но все-таки я не хочу вашей гибели. Я не хочу кровопролития, – отвечал старик. – Разве может быть шпионом тот, кто советует вам вернуться, кто предупреждает вас, что ваши силы слишком слабы и что вы идете на гибель? Вы ведете меня с собой. Что ж, я готов следовать за вами, пока вы не убедитесь, что я был прав, предостерегая вас.

– Когда мы это увидим, ты будешь освобожден.

– Будет уже поздно, когда вы это увидите, – сказал заклинатель. – Вернитесь, пока еще есть время.

– Вернуться было бы трусостью. Нет, никогда! – отвечал предводитель инсургентов. – Если мы победим, ты погиб, так как это докажет, что ты хотел спасти своих. Если мы будем разбиты, ты будешь волен идти куда хочешь. Я так решил, и мое слово неизменно.

– Ты хочешь, чтобы было так, – хорошо! Я сделал все возможное, чтобы предотвратить кровопролитие...

Инсургенты продолжали молча двигаться вперед, и наконец шедшие впереди отряда разведчики донесли, что на опушке леса находится лагерь турок, окруженный цепью часовых. Тотчас же решено было немедленно напасть на турок. Старого заклинателя змей привязали к дереву, чтобы он не мог убежать и сообщить туркам численность и намерения инсургентов.

При первом свете зари бойцы креста двинулись вперед. Вдруг в эту минуту в лагере турок зазвучали трубы, и все пришло в движение. Инсургенты бросились вперед, чтобы не дать врагам времени построиться, но было уже поздно, и ядра полетели навстречу нападающим.

Хотя при бледном и неверном свете зари трудно было определить силы противника, однако предводители инсургентов убедились в ту же минуту, что силы турок были гораздо значительнее, чем они предполагали. Старый заклинатель был прав. Но было уже поздно отступать, и инсургенты бросились вперед. Турки подпустили их почти к самому лагерю и встретили тут убийственным огнем. В то же время отряд кавалерии ударил с фланга, и нападавшие таким образом очутились между двух огней. Инсургенты дрались с изумительным мужеством, хотя

ядра и вырывали целые ряды их и перевес сил турок был слишком велик. Но казалось, на этот раз мужество заменяло недостаток численности.

Несмотря на страшные потери, инсургенты неудержимо двигались вперед, проникли наконец в самый лагерь, и тут закипела отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть. Однако неравенство сил было слишком велико, и после двухчасового боя инсургенты принуждены были отступить к лесу, чтобы там под защитой деревьев продолжать сражение. Такой маневр был очень благоприятен для инсурентов, только таким образом могли они спастись от совершенного истребления, которое было бы неизбежно, если бы туркам удалось отрезать их от леса. Турки сами увидели это, но было уже поздно. В лесу инсургентам нечего было опасаться нападения турецкой кавалерии, а пехота была для них не страшна.

Битва продолжалась, и гром выстрелов далеко разносился по лесу. Турки употребляли все усилия, чтобы проникнуть в чашу, но инсургенты мужественно отбивали все их нападения, и каждый шаг вперед стоил туркам потоков крови. Час проходил за часом, а бойцы полумесяца все еще не могли продвинуться вперед, и офицеры видели, что ряды их отрядов редуют от губительного огня противника.

Сам паша убедился наконец в безуспешности борьбы и отозвал свои войска. Ужасный план созрел в его голове, план, в случае удачи которого инсургенты были бы истреблены или отброшены с громадными потерями. Паша приказал кавалерии и пехоте занять опушку леса со всех сторон и велел вслед за тем артиллерии стрелять в ту часть леса, где скрывались инсургенты. Земля задрожала от грома выстрелов, и ядра посыпались на лес, дробя деревья и убивая инсурентов, искавших за ними защиты. Началась ужасная бойня. Избежавшие счастливо ядер и падающих деревьев падали под пулями турок, занимавших опушку леса, а спасшиеся от пуль гибли под саблями кавалеристов. Один из предводителей инсурентов был убит, но другому удалось наконец собрать в глубине леса остаток своего отряда. Мало-помалу собрались все уцелевшие, и к вечеру на поляне среди леса собралась третья часть отряда, остальные были или убиты, или тяжело ранены.

Несмотря на этот страшный урон, инсургенты не упали духом и единодушно требовали от вождя, чтобы тот вел их снова против турок. Они хотели во что бы то ни стало пробиться сквозь ряды врагов, чтобы соединиться с другими отрядами своих товарищей. Предводитель не противился их желанию и с наступлением ночи опять повел их к лагерю турок. Дружно бросились инсургенты на врагов, не ожидавших нападения, и ворвались в лагерь. Кровавый бой закипел между бойцами креста и полумесяца. Кто мог устоять против этого отчаянного мужества? Кто мог выдержать этот бешеный натиск? Турки смешались и дрогнули. Ничтожный отряд инсурентов проложил себе дорогу сквозь их ряды. Паша приказал было кавалерии остановить наступление врага, но было уже слишком поздно. Инсургенты успели уже пробиться сквозь ряды турок, хотя и ценой громадных потерь. Кавалерия пыталась было преследовать уходивших на соединение со своими инсурентов, но несколько залпов заставили ее отказаться от этого намерения.

Несколько инсурентов поспешили на то место, где они оставили заклинателя змей, чтобы излить на него свой гнев, хотя его слова и оправдались. Но этому несправедливому намерению не суждено было исполниться. У подножия дерева лежали только веревки, которыми был связан старик, а самого его не было. Нашли ли его турки и освободили, или ему удалось самому отвязаться, никто не мог этого сказать. Как бы то ни было, но заклинатель исчез.

IX Реция и принц

Однажды вечером, вскоре после заката солнца, Черный Карлик проскользнула в развалины Кадри. Повсюду царил глубокая тишина, нарушавшаяся только треском бесчисленных кузнечиков. До сих пор Сирре не удалось еще узнать что-либо о судьбе Реции. Она перестала уже питать надежду, что той удалось избежать преследований Мансура и Лаццаро, и снова ею овладела мысль, что несчастная находится опять в чертогах Смерти.

Но несмотря на знание всех самых потаенных уголков этого ужасного места, все поиски Сирры были бесплодны. Это только усилило решимость Сирры защитить во что бы то ни стало несчастную. Она хотела своей любовью загладить все зло, которое принесла Реции ненависть Кадиджи.

Старая гадалка и не подозревала, что ее дочь нашла себе убежище так близко от нее, поэтому Сирра вышла из дома незамеченная матерью.

Добравшись до развалин, Черный Карлик стала внимательно рассматривать их, думая, где найти след Реции. В ту же минуту Сирра заметила, что к развалинам подходит Лаццаро с каким-то человеком, с которым он, по-видимому, горячо о чем-то разговаривал. Спрятавшись за развалившейся стеной, Сирра стала наблюдать за подходившими и узнала в спутнике грека Ходжу Неджиба, того самого, который в доме софта был в числе ее сторожей и которого она в последнее время часто видела у матери. По оживленности их разговора Сирра догадалась, что дело идет о чем-то важном, поэтому она решила следить за ними и, проникнув в середину развалин, добраться до зала Совета и подслушать у дверей. Для Черного Карлика, проворной и легкой, это было легко, и, проскользнув как змея сквозь расщелину стены, Сирра без труда добралась до зала Совета почти в одно время с греком и Ходжой Неджибом.

В зале Совета находился уже Мансур-эфенди. С того времени как он перестал быть шейх-уль-исламом, его честолюбие еще более возросло. Ничто не останавливало его в стремлении к власти. Все средства казались ему хороши для успеха его планов. Он не отступал даже перед кинжалом и ядом, чтобы только избавиться от тех, кто становился ему поперек дороги.

Сирра окаменела от ужаса, узнав из разговора Мансура с Лаццаро и Неджибом, что его ненависть простирается уже на Сади и что уже найдены убийцы, которые должны лишить его жизни вместе с великим визирем Махмудом-пашой.

– Сади-паша уже несколько дней как уехал, – сказал Лаццаро. – Куда и с каким поручением, этого я не мог никак узнать. Очевидно, тут есть какая-то тайна, тем более что паша уехал так неожиданно, что даже не успел побывать у принцессы.

– Продолжай следить. Он должен скоро вернуться, – приказал Мансур.

– Я принес тебе сведения о галатской гадалке Кадидже, могущественный баба-Мансур, – начал Ходжа Неджиб. – До сих пор тебе была неизвестна причина ненависти, которую питала Кадиджа к толкователю Корана Альманзору и всему его семейству. Теперь эта загадка разрешена.

– Говори, Ходжа.

– Я следовал твоему приказанию, могущественный и мудрый баба-Мансур, и в последнее время часто бывал у старой гадалки, – продолжал Неджиб. – Скоро я добился ее полного доверия, только об Альманзоре и ненависти к нему она продолжала упорно молчать. Но сегодня, благодаря опиуму, она выдала мне последнюю тайну, рассказала мне причину своей ненависти к Альманзору. Жадность побуждала ее к этому.

– Жадность? – спросил Мансур.

– Я давно уже знал, что Кадиджа не без причины ненавидит толкователя Корана и его семью, – заметил Лаццаро.

– Это открытие очень важно, мудрый баба-Мансур, – продолжал Неджиб. – Оно касается важной тайны, которая до этой минуты была от тебя скрыта. Старая Кадиджа знает о сокровище калифов могущественного дома Аббасидов, последними потомками которых были Альманзор и его дети.

– Сокровище? – спросил мрачно Мансур.

– Да, мудрый и могущественный шейх! Сокровище, скрытое внутри одной пирамиды.

Мансур-эфенди был почти испуган словами Неджиба. Для него было очень неприятно, что о существовании сокровища калифов знает старая гадалка и что вдобавок об этом узнали Лаццаро и Неджиб. Однако он справился с овладевшим им волнением и принял презрительный вид.

– Глупости, – сказал он. – Пирамид так много. А сказала ли тебе Кадиджа, в которой из них лежит сокровище?

– Она искала и нашла ее. Она проникла даже внутрь ее, но не могла найти сокровища.

– Должно быть, благодаря опиуму она сделала все эти открытия?

– Нет, мудрый баба-Мансур, ты ошибаешься, – возразил Неджиб. – Опиум только развязал ей язык. Это сокровище – цель всех ее желаний, и уже целые десятки лет она употребляет все усилия, чтобы овладеть им.

– Значит, она еще не потеряла надежду?

– Нисколько. Это сокровище – для нее все. Для того чтобы присвоить его себе, она хотела истребить все семейство Альманзора.

– Присвоить? Значит, она уже нашла клад? – спросил Мансур.

– Она еще раз пыталась проникнуть внутрь пирамиды. Как я понял из ее слов, ей оставалось только проникнуть за одну стену, чтобы найти сокровище, и этого она не могла сделать.

– Этим и кончились ее попытки?

– До сих пор да. Но она нисколько не потеряла надежды и ждет только удобного случая, чтобы...

– Исполнить свое безумное намерение, – прервал Мансур-эфенди. – Эта гадалка, должно быть, помешалась, и на это надо обратить внимание, так как она может причинить много бед, если будет гадать не в полном разуме.

– Она не помешана, мудрый и могущественный баба-Мансур.

– Очень часто случается, что сумасшествие незаметно, но тем не менее оно существует. Надо присматривать за гадалкой, приведите ее сюда, она, не колеблясь, последует за вами, а здесь вы поручите Тагиру смотреть за ней.

Мансур хотел захватить в свои руки Кадиджу и при ее помощи попытаться найти сокровище калифов и затем, когда не будет более в ней надобности, сделать ее навек немой.

Сирра слышала весь разговор, происходивший в зале Совета, и, таким образом, также узнала, отчего мать ее с такой ненавистью преследовала Альманзора и его детей. Выйдя осторожно из развалин, Сирра спряталась за кустом у входа в чертоги Смерти, откуда ей можно было видеть ведущую в развалины дорогу. Было уже совершенно темно.

Прошло не более часа, как Сирра снова услышала шаги и голоса и увидела приближавшихся Лаццаро и Неджиба в сопровождении ее матери. Старая гадалка, очевидно, и не подозревала о грозящей ей опасности, так как она спокойно следовала за своими спутниками и, по видимому, была в лучшем расположении духа. Скоро все трое подошли так близко, что Сирра могла расслышать их разговор.

– Да, мой сыночек, – говорила Кадиджа, – там ты найдешь прекрасную Рецию, которую ты так давно ищешь.

Сирра стала жадно прислушиваться. К несчастью, она не могла расслышать названия места, где спряталась Реция.

– Как ты могла это узнать? – спросил Лаццаро.

– Хи-хи! От меня ничего не скроется! – засмеялась старуха. – То, что я сказала, верно, иди – и ты найдешь ее там. Что это, разве мы не идем к башне?

– Нет, мы пройдем тут, – отвечал грек.

– Здесь я еще ни разу не была, сыночек.

В эту минуту они поравнялись с кустом, за которым сидела Черная Сирра, и вскоре исчезли в темных переходах развалин. Кадиджа все еще не подозревала, что через мгновение она будет уже заключена в тюрьму, откуда ей не суждено выйти живой. Смерть ожидала ту, которая так часто употребляла ее как орудие для выполнения своих замыслов. Наказание постигало преступницу скорее, чем кто-либо мог предвидеть.

Сирру больше всего беспокоило, что ей не удалось расслышать названия места, где скрывалась Реция, и поэтому она решила ожидать возвращения грека, так как была уверена, что он тотчас же отправится на поиски Реции. Следуя за Лаццаро, Черная Сирра могла, таким образом, найти пропавшую дочь Альманзора.

Не прошло и четверти часа, как Лаццаро и Неджиб показались снова, разговаривая между собой и смеясь над испугом и криками старой гадалки, слишком поздно узнавшей, что она попала в западню.

У входа они расстались, и грек пошел через открытое поле по направлению к берегу Босфора. Поле было совершенно открыто, не было ни малейшего деревца или кустарника, за которым можно было бы скрыться, поэтому Сирра, несмотря на глубокий мрак, могла следовать за Лаццаро только с чрезвычайной осторожностью и на большом расстоянии. Пройдя мимо павильона принца, Лаццаро направился к полотну железной дороги. Вдали виднелся огонек, и к нему-то, казалось, и шел грек.

Подойдя ближе, Сирра увидела, что свет виднелся в окне домика железнодорожного сторожа. Реция должна была быть тут или по крайней мере обитатели домика могли указать, где найти ее.

Когда грек подошел к домику, Сирра остановилась и, припав к земле, чтобы не быть замеченной, стала наблюдать за каждым его движением. Лаццаро подошел к окну, в котором виднелся свет, и заглянул в него, затем он обошел домик с другой стороны и заглянул в противоположное окно. Вслед за тем он отошел от домика и пошел по направлению к Скутари.

Подождав несколько минут и видя, что грек не возвращается, Сирра пошла к хижине и тогда увидела, что было причиной поспешного ухода грека. Какой-то человек, должно быть, сторож, вышел из домика и обошел вокруг него. Не найдя ничего подозрительного, сторож вернулся в хижину; дверь заперли, и свет погас.

Тогда Сирра проскользнула к окну и тихо постучала. Обитатели домика, вероятно, крепко спали, так как внутри не послышалось никакого движения.

– Реция! Ты здесь? – спросила Сирра. Внутри домика послышался шепот.

– Реция! Милая Реция! – продолжала, повысив голос, Сирра. – Скажи мне, тут ли ты? Это я, твой друг, Черная Сирра.

Окно отворилось, и показалась голова Реции.

– Слава Аллаху! Это ты! – вскричала Сирра вне себя от радости. – Наконец-то я снова тебя вижу, дорогая моя Реция.

– Как же ты меня нашла? – спросила Реция, узнавая Сирру.

– О, как я рада, что нашла тебя!

Обменявшись несколькими словами со старой Харрем, Реция отворила дверь и вышла из хижины. Вкратце Сирра поспешила рассказать ей обо всем случившемся в последнее время и особенно предостерегала от грека, которому стало известно, где она укрывается. Узнав, что у Реции есть ребенок, Сирра пришла в восторг и начала прыгать как дитя. Просьбы были так настоятельны, что Реция наконец сдалась и вынесла из хижины сына, видеть которого непременно хотела бедная девушка.

– О! Это просто ангел! Маленький ангел! – вскричала сквозь слезы Сирра, осыпая дитя поцелуями. – Он будет так же красив, как ты и Сади.

Это имя напомнило Реции ее горе, и она залилась слезами. Сирра принялась утешать ее.

– Он возвратится к тебе, – говорила она. – Он не может забыть тебя. Ты так добра, так хороша, так верна, так достойна его любви! Ты одна только можешь сделать его счастливым, а не та гордая принцесса. Утешься, не приходи в отчаяние, прекрасная Реция.

– Вот мое единственное утешение, – сказала Реция, прижимая к сердцу дитя. – Все прошло, Сирра. Ах, я так люблю Сади!

– Знает он, где ты скрываешься? Знает он про ребенка? – спросила Сирра. – Нет? Но ведь он должен это знать.

– Ты хочешь отыскать его, звать сюда от моего имени? Не делай этого, Сирра. Если Сади не вернется ко мне сам, если его любовь не настолько сильна, тогда пусть лучше мое сердце разорвется от горя.

– Сади-паша не в Стамбуле. Он уехал.

– Откуда ты это знаешь?

– Я узнала это от его слуги несколько дней тому назад. Он уехал надолго, но куда и зачем – неизвестно. Сам султан послал его. Как высоко, значит, ценит его султан, как сильно он ему доверяет.

– Да, он высоко поднялся, – сказала Реция. – Лучше бы этого не было! Он осыпан почестями и наградами, но они разобьют его счастье, как и мое. Теперь я одна и покинута, Сирра... Но нет, это неправда! Аллах хотел дать мне утешение в моем горе.

– Сади к тебе возвратится!..

– Пусть он будет свободен, – прервала Реция. – Я не хочу разделять его сердца с другой после того, как я владела им одна.

– Ты не хочешь, чтобы он слышал о твоём ребенке?

– Нет! Нет!

– Но ведь он должен же знать, что ты жива, что ты его еще любишь. Ты не можешь запретить мне сказать ему это. Ты хочешь, чтобы он не знал ничего о ребенке? Хорошо, пусть будет по-твоему. Но я расскажу ему, когда он вернется, что ты по-прежнему верна ему. Только это одно. Пусть он делает что хочет, но он должен знать это, я не могу молчать. Аллах да защитит тебя и твое дитя, – продолжала Сирра, целуя ребенка. – Я скоро тебя увижу. Берегись Лаццаро. Прощай.

С этими словами Черный Карлик оставила Рецию и исчезла во мраке.

На другой день вечером, когда Реция, по своей привычке, сидела далеко от хижины под тенью старых громадных деревьев, ей вдруг послышался какой-то шорох. Она стала прислушиваться. Вдруг росшие вблизи кусты зашевелились, ветви раздвинулись и между листьев показалась голова Лаццаро. Реция словно окаменела от ужаса, она не могла ни вскрикнуть, ни двинуться с места. Осмотревшись, грек выскочил из скрывавших его кустов и бросился к несчастной.

– Наконец-то я тебя нашел, прекрасная Реция! – вскричал он, злобно сверкая глазами. – Не жди Сади. Он не придет сюда, он позабыл о тебе. Тебе остается теперь на выбор или принадлежать мне, или попасть снова в руки кадри.

Реция бросилась бежать, но не успела сделать несколько шагов, как грек был уже около нее и схватил ее за платье. Вокруг не видно было никого, и хижина сторожа была слишком далеко, чтобы там мог быть услышан крик. Реция, казалось, была полностью во власти Лаццаро.

Собрав последние силы, она крикнула, призывая на помощь.

– Молчать! – крикнул Лаццаро. – Чего ты кричишь, глупая? Будь моей, и тебе нечего будет бояться.

Реция снова крикнула, употребляя все усилия, чтобы вырваться из рук грека. В эту минуту вдали показался всадник, которого не заметили ни Реция, ни Лаццаро. Услышав крик, он прищипорил лошадь и поспешил на помощь несчастной.

– На помощь! – вскрикнула еще раз Реция в смертельном страхе.

– Она близка! – послышался вдруг чей-то голос.

Реция оглянулась и, увидев приближавшегося всадника, упала на колени. Это был принц Юсуф.

– Что это значит? – вскричал принц, соскакивая с лошади и приближаясь к Лаццаро.

Вместо ответа грек устремил на него взгляд, полный злобы и ненависти. Таинственная сила этого взгляда была такова, что принцем невольно овладел страх и он остановился неподвижно, казалось, будучи не в состоянии произнести ни слова. Прошла страшная тягостная минута.

Собрав последние силы, Реция бросилась к принцу и упала к ногам его, моля о защите. Глаза Лаццаро оставили на минуту принца, и это разрушило чары. Юсуф опомнился и вынул из кармана револьвер. Увидев это угрожающее движение, Лаццаро поспешил спрятаться за ствол дерева. Послав вслед ему пулю, принц наклонился к стоявшей перед ним на коленях Реции.

– Ступай в мой павильон, там ты будешь вполне в безопасности, Реция, – сказал он. – Не бойся ничего, никто тебя не потревожит там, даже я сам не войду без твоего позволения.

– Остановись, принц! Я не могу на это согласиться, – отвечала Реция. – Ты слишком добр и великодушен. Я не заслуживаю этого. Будь счастлив. Ты никогда более не увидишь меня.

В эту минуту принц и Реция были в нескольких шагах от домика сторожа.

– Ты не должна жить в этой несчастной хижине, – сказал принц. – Умоляю тебя, Реция, следуй за мной.

– Я не могу принадлежать тебе, принц, я должна уйти. Я уже не свободна. Прощай, ты больше меня не увидишь.

С этими словами она исчезла в дверях хижины.

– Я буду искать тебя – и найду! – вскричал принц.

X Адмирал Страдфорд

В одном из салонов своего роскошного дома леди Страдфорд принимала знатного француза, которого прежде, однако, заставила довольно долго ждать той счастливой минуты, когда ему можно будет увидеть ее. Это был французский посланник.

– Милости просим, маркиз, – сказала, входя, леди Сара и протянула гостю руку, которую тот почтительно поцеловал.

– Я принес вам билеты в ложу на скачки в Дерби, – сказал маркиз. – Она самая лучшая на всем ипподроме.

– Какая любезность с вашей стороны, маркиз.

– Ваш поступок еще любезнее, – сказал маркиз, указывая на розу, украшавшую голову леди Страдфорд. – Или, может быть, это другая?

– Нет, это роза из того букета, который вы мне прислали.

– Знаете вы, откуда она?

– Таких нет теперь в нашем туманном Лондоне.

– Она из моего божественного Парижа. То есть не прямо оттуда, а из моих оранжерей, которые находятся в окрестностях. Как вам понравилась вчера примадонна?

– Я не была вчера в опере.

– Нет? Что с вами, мой дорогой друг, вы, кажется, печальны? Доверьте мне ваше горе, я сделаю все, чтобы утешить вас...

– Все! – прервала насмешливо Сара. – Остановитесь, маркиз.

– Как, миледи? Неужели я дал вам повод сомневаться во мне? Вы не в духе? – продолжал маркиз. – Это делает вас еще прекраснее, так что я безропотно покоряюсь.

– Вы говорите «не в духе», маркиз. Я убедилась вчера, что у меня нет ни одного друга.

– А, теперь я понимаю. Всею виной эта бумага, которую вы вчера просили. Но скажите мне, пожалуйста, к чему вам она?

– Я держала пари.

– Пари?

– Ну да.

– С кем?

– С одной дамой.

– Но что это может значить – пари о дипломатическом документе, да еще с определенным номером? Кстати, какой это номер?

– Семьсот тринадцатый.

– Право, не часто встречаются пари о номере.

– Номер здесь назначен совершенно случайно.

– А-а, – заметил, смеясь, маркиз, – в таком случае мы можем смастерить этот номер семьсот тринадцатый.

– О нет, этого нельзя. Мне нечего и говорить после того, как вы вчера объявили мне, что я могу требовать ваше сердце, ваше состояние, все, кроме этой бумаги. Мне она нужна была как доказательство.

– Не будьте несправедливы, Сара. Не ворчите на меня. Что вы хотите сказать? Дело идет о пари, о доказательстве. Доказательстве чего?

– На прошлой неделе у меня был разговор с одной дамой относительно вас.

– Меня?

– Да, вас! Эта дама оспаривала у меня ваше внимание. Дело дошло до пари, и я обещала доставить доказательство вашего ко мне внимания. Я должна была попросить у вас какую-

нибудь бумагу из вашего архива или копию с нее. Назначен был номер семьсот тринадцатый. И теперь результат этого таков, что я вижу, что ошиблась в вас и, значит, проиграла пари.

– Но что за странная идея пришла вам держать пари о бумаге? Отчего вы не назначили вместо этого какой-нибудь наряд, экипаж, лошадей?

– О лошадях и нарядах держат пари разбогатевшие лавочницы, маркиз, – возразила оскорбленным тоном Сара. – Для нас нужно что-нибудь не совсем обыкновенное. Теперь я знаю, что я ошиблась в вас.

– Но, друг мой, обдумайте хорошенько...

– К чему? – прервала Сара. – Разве теперь не все уже ясно?

– Ищите какое-нибудь другое доказательство. Вы знаете, что я готов положить к ногам вашим все.

– Все! Опять все! – сказала с насмешливой улыбкой Сара. – Это все все равно что ничего.

Поэтому-то я и требую от вас эту ничтожную бумагу, не имеющую никакого значения.

– Вы называете ничтожными государственные бумаги!

– Но ведь нужна только копия.

– Нет! Это невозможно...

– Довольно, маркиз, перестаньте говорить об этом, – прервала поспешно Сара.

– Вы сердитесь на меня, мой друг?

– Нет, – отвечала сухо Сара.

Маркиз пытался было продолжать разговор, но Сара ясно дала понять ему, что его присутствие для нее неприятно.

– Я оставляю вас, миледи. Надеюсь, что ваша немилость будет непродолжительна.

– Она продолжится до тех пор, пока я буду чувствовать, что ошиблась в вас.

– Сара!

– Милостивый государь!

– Я вижу, сегодня ничего нельзя от вас добиться. До свидания, мой дорогой друг.

Маркиз вышел.

– А, ты отказал, – прошептала Сара. – И ты, может быть, думаешь, что я позволю тебе надоедать мне своим присутствием. О, ты будешь жестоко наказан! Хорошо, что у меня есть еще средства добиться этой бумаги.

С этими словами Сара позвонила.

– Заложить карету! – приказала она вошедшему слуге и пошла в уборную, чтобы переменить туалет. Она надела дорогой бриллиантовый убор, подарок герцога Норфолка, и оделась с изящной простотой, отличающей аристократию. Через несколько минут экипаж был готов, и Сара приказала вести себя к герцогу Норфолку. Едва она вошла в приемную, как сам герцог поспешил выйти ей навстречу. Он был неравнодушен к прекрасной леди Страдфорд.

– Милости просим, дорогой друг, – сказал он, увидев ее. – Как я рад, что вижу вас. Я уже собирался ехать к вам, чтобы узнать о вашем здоровье.

– О, я знаю, что вы мой истинный друг, по крайней мере я надеюсь, что это так, – сказала Сара. – Впрочем, может быть, я ошибаюсь.

– Что за вопрос!

– Этот вопрос и мое неожиданное посещение – все это следствие одного неприятного сна, который я видела в эту ночь.

– Но что это за сон, который мог вас так беспокоить?

– Мне приснилось, что вы любите другую и не думаете более обо мне.

– Что за идея!

– Я не могла уснуть всю ночь. Какой-то внутренний голос говорил мне: «Ты безумна, герцог уже забыл о тебе». Но в то же время другой голос повторял: «Он любит тебя».

– И этот голос не лгал, моя дорогая Сара. К чему было напрасно беспокоиться, лишая себя сна? По вашему лицу видно, что вы утомлены.

– Тогда мне пришла в голову следующая мысль, – продолжала Сара. – Я должна достать доказательство безосновательности моего беспокойства. Но какого рода доказательство?

– Доказательство моей верности вам, моя дорогая? Если оно нужно, требуйте что хотите, я с удовольствием дам вам его.

– Вы думаете о жертве, о драгоценностях, а я думаю о доказательстве любви, которая не имела бы никакой материальной ценности. Сегодня утром я увидела во сне...

– Что же?

– Число.

– Число – и доказательство моей любви к вам? Как связать это, мой дорогой друг?

– Вы сейчас это узнаете, герцог. Я видела во сне число семьсот тринадцать на одном письме или бумаге.

– Странный сон. Что же далее?

– Тогда я подумала, что я должна просить у вас как доказательство вашей любви бумагу с номером семьсот тринадцать из вашего архива.

– Странная просьба.

– Назовите это женским капризом, герцог, но только дайте мне это доказательство, успокойте меня. Дайте мне бумагу с номером семьсот тринадцать.

– Но, дорогой друг мой, этого никак нельзя сделать, – сказал герцог в сильном смущении. – К чему вам эта ничего не значащая бумага?

– Поэтому-то я ее и прошу, что она не имеет никакой цены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.